

ГЕННАДИЙ НЕВЕЛЕВ

ДЕКАБРИСТСКИЙ ТЕКСТ А. С. ПУШКИНА

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ "МІРЬ"

Санкт-Петербург
2015

Непрерменно должно описывать современные
происшествия, чтобы могли на нас ссылаться.

А. С. Пушкин

(15 сентября 1827 г., в передаче А. Н. Вульфа)

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ

К полудню вторника 13 июля 1826 г. в Петербурге отдельными листками были изданы «Выписка из протокола Верховного уголовного суда от 11 июля» с приговором П. И. Пестелю, К. Ф. Рылееву, С. И. Муравьеву-Апостолу, М. П. Бестужеву-Рюмину, П. Г. Каховскому («...сих преступников за их тяжкие злодеяния повесить») и высочайший манифест, объявлявший, что «преступники восприяли достойную их казнь». Баварский посланник Ф. Гизе не смог в этот день «раздобыть ни приговора, ни манифеста»¹, П. А. Вяземскому листки в тот же день были отправлены в Ревель (16 июля он получил из Петербурга «печатные письма, которые кровью облили» его «сердце»)². Пушкин узнал в Михайловском об исполнении приговора 24 июля.

Под беловым автографом посвященного А. Ризнич стихотворения «Под небом голубым страны своей родной...» (имеющего наверху дату-название «29 июля 1826 <года>») находятся две, расположенные одна под другой, документальные записи: «Усл. о с. 25 / У о с. Р. П. М. К. Б. 24». Чтение нижней пометы не вызывает затруднений: «У<знал> о с<мерти> Р<ылеева> П<естеля> М<уравьева-Апостола> К<аховского> Б<естужева-Рюмина> 24 <июля 1826 года>». Верхняя помета имеет два варианта чтения: 1. «Усл<ышал> о с<мерти А. Ризнич> 25 <июля 1826 года>»; 2. «Усл<ышал> о С<ибири> 25 <июля 1826 года>»³. Первый вариант подсказан местонахождением пометы и содержанием элегии. Вторым, предложенным Б. В. Томашевским, объединяет пометы в единую по содержанию и не имеющую отношения к стихотворению запись о декабристах.

Записи сделаны чернилами разной интенсивности и в разном почерковом стиле. Верхняя строка исполнена выцветшими чернилами, такими же, как и весь автограф, размашисто и сильным нажимом пера. Нижняя запись произведена более насыщенными чернилами, меньшими по размеру и иными по начертанию буквами и производит впечатление поздней приписки. Глагольные аббревиатуры, использованные в верхней и нижней строках, обозначающие разные способы текстовой коммуникации, и представленные в нарушение событийной хронологии даты, свидетельствующие, как минимум, о несовпадении времени получения зафиксированных сообщений, исключают возможную информационную общность двух записей.

Сведения о сибирской ссылке осужденных и состоявшейся смертной казни предположительно могли прийти в Михайловское одновременно и отразиться в записях, раскрывающих знание в последовательности «приговор — его исполнение» (в пушкинском автографе, если принять второй вариант чтения верхней строки, обратная линейная последовательность), — но не в двадцатых числах июля, когда обнародованные данные о завершившемся процессе по делу 14 декабря, ставшие общеизвестными и публично существовавшие в виде единого, по смыслу и содержанию нерасчлененного документального текста, независимо от источников и каналов трансляции, переданные изустно, письменно или печатно, по определению не могли поступить фрагментированными и в несколько приемов.

Первая запись («Усл<ышал> о с<мерти А. Ризнич> 25 <июля 1826 года>»), сделанная не ранее 29 июля 1826 г., комментировала элегию, вторая («У<знал> о с<мерти> Р<ылеева> П<естеля> М<урьеве-Апостола> К<аховского> Б<естужева-Рюмина> 24 <июля 1826 года>»), приписанная позднее, по ситуационно возникшей сюжетной аналогии (смерть), придавала документальному тексту дополнительную смысловую коннотацию. Именно поэтому во второй строке сказано о «смерти», что дало П. А. Вяземскому повод усомниться в авторстве записи: «Пушкин, вероятно, записал бы о *казни*, а не просто о *смерти*»⁴.

1

Документы судебного процесса («Доклад» Верховного уголовного суда, «Роспись государственным преступникам», «Указ» о конфирмации приговора и даруемых «пощадах», «Выписка» о приговоре осужденным, поставленным «вне разрядов») публиковались в газетах, совместно с Манифестом 13 июля, с 15 по 24 июля 1826 г. «Совокупно», в одном номере их печатали «Северная пчела» (17 июля) и «Санкт-Петербургские ведомости» (20 июля); в двух номерах, 15/27 и 17/29 («Роспись государственным преступникам») июля, «Journal de Saint-Pétersbourg». «Русский инвалид» публиковал документы в четырех номерах: высочайший манифест (15 июля), «Доклад» (16 июля), «Роспись» (17 июля), «Указ» о «пощадах» и «Выписка» с «окончательным постановлением о пяти преступниках» (19 июля). Опубликованные материалы вышли «особенной книжкой», которую редакция «Русского инвалида» с 21 июля рассылала «иногородним жителям». В двадцатых числах июля документы появились «во всеобщее известие» в сенатском издании на русском и французском языках. В европейских газетах судебные материалы печатались в последних числах июля/начале августа.

15/27 июля в «Journal de Saint-Pétersbourg» в подборке документов суда, в конце номера, после Манифеста 13 июля и перед извещением о биржевом курсе, было помещено краткое сообщение: «Пять государственных преступников, приговоренных к повешению приговором Верховного уголовного суда от 11-го сего месяца, были казнены публично сего июля 13-го дня между 4 и 5 часов утра на одном из внешних укреплений Петербургской крепости. Перед тем все государственные преступники, приговоренные к лишению чинов и дворянства, были разжалованы на гласисе крепости». Так же поступила «Северная пчела», 17 июля в разделе «внутренние известия», после Манифеста 13 июля (документы суда давались отдельной тетрадкой, «прибавлением» к номеру) опубликовав в виде редакционного

сообщения следующее: «Приговор Верховного уголовного суда, состоявшийся 11-го сего месяца о пятерых государственных преступниках, коих решено повесить, исполнен сего июля 13-го дня по утру в пятом часу, всенародно на валу кронверка Санкт-Петербургской крепости. Государственные же преступники, осужденные к лишению чинов и дворянства, выведены были прежде всего на гласис крепости, с них сняли воинские мундиры и знаки отличия, и над их головами переломили шпаги. Над морскими офицерами, в числе государственных преступников находившихся, исполнено сие наказание по морскому уставу, на военном корабле в Кронштадте того же числа». В европейских газетах отчеты о петербургской казни печатались с 29 июля/10 августа по 3/15 августа.

Одним словом, 24 июля Пушкин мог познакомиться с документами суда и узнать о состоявшейся казни по «Северной пчеле» от 17 июля и, частично, по «Русскому инвалиду» от 15–17 июля, отправленным из Петербурга в один день, субботу 17 июля, и пришедшим в Михайловское с недельным опозданием⁵, или, подобно П. А. Вяземскому, по присланным «печатным письмам» («Выписке» и Манифесту 13 июля). 19 июля, в связи с его прошением на высочайшее имя, Пушкина освидетельствовали в Псковской врачебной управе. То есть не позднее 18 июля он должен был уехать из Михайловского в Псков. Точная дата его возвращения в Михайловское неизвестна. Если 24 июля Пушкин находился еще в Пскове (и выехал в Михайловское соответственно не ранее 25-го), источником сведений о петербургской казни мог быть также «Journal de Saint-Pétersbourg» (от 15/27 и 17/29 июля), доставлявшийся в губернский город. Помета «У о с. Р. П. М. Б. К. 24» содержала информацию о приговоре и его исполнении в объеме этих публикаций.

Спрашивая у П. А. Вяземского в письме от 14 августа 1826 г., «правда ли, что Николая Т<ургенева> привезли на корабле в П<етер->Б<ург>», Пушкин замечает: «Еще-таки я все надеюсь на коронацию: повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна»⁶. В «Докладе» Верховного

уголовного суда и в «Росписи государственным преступникам» значится 121 подсудимый. Пушкин исключает из этого числа Н. И. Тургенева, судимого заочно. Следовало бы исключить и пятерых повешенных, но эта неточность, как и не точный, в сравнении с официально принятым, порядок поименования казненных в документальной записи, помеченной 24 июля, понятны и объяснимы.

2

Графические документальные записи о казни 13 июля 1826 г. сделаны Пушкиным на л. 37 Третьей масонской тетради (ПД № 836)⁷. Изображения стали предметом исследования в трудах А. М. Эфроса. Рукописи поэта он понимал как творческий текст, в котором «нет отдельных существований, одного — литературного, другого — изобразительного, как у любого рисующего писателя. У Пушкина это неразъединимо. Текст и рисунки взаимообусловлены. <...> Пушкинские рисунки держатся на тройной связи: они либо повторяют текст, либо дополняют его, либо отталкиваются от него»⁸. Полагая, что «пушкинский рисунок — дитя пауз и раздумий поэтического труда», А. М. Эфрос устанавливал «следующий ход пера по листу»: вначале была написана стихотворная строка «И я бы мог, как [шут, ви<сеть>]», зачеркнув конец строки, Пушкин «стал искать другого сравнения и продолжения. Эта остановка разрешилась, как обычно, рисунком, первым наброском виселицы. О такой последовательности возникновения и связи строки с рисунком свидетельствует еще то обстоятельство, что рисунок задевает частично по низу буквы уже написанных слов. Дальнейший процесс заполнения страницы шел, видимо, так: отступя немного от верхней виселицы, Пушкин вторично начал ту же строчку, уже без сравнения с шутком, и написал: „И я бы мог“, однако снова не нашел продолжения, задержался и стал чертить профили, покрывая ими все пространство вокруг брошенной полустроки; при

этом от человеческих лиц стал переходить к полууродам, наконец, фантазмагорическим обликам <...>, далее ассоциация повела к воспроизведению <...> стоящих, бегущих и пляшущих чертей и, наконец, от этой пляски переключилась снова в картину „пляски“ тел на веревках виселицы и дала нижний рисунок казни, большего объема»⁹.

Конструкция, предложенная А. М. Эфросом, интерпретирующая фразу «И я бы мог...» как единственный информационно значимый текст, раскрывающий содержание автографа, представляющего изобразительную стенограмму незавершенного стихотворного процесса, имеет статус постулата, документирующего исследовательские опыты по сценарному моделированию творческого поведения и проектированию предположительно существовавших после 14 декабря литературных планов рефлексирующего поэта¹⁰.

Версия о преобладающем значении словесной строки рассматривает графические элементы рукописного источника как визуальный ряд, порождаемый развивающимся поэтическим замыслом, требовавшим для своего воплощения промежуточных образных форм, не замечая содержательное и стилевое различия верхнего и нижнего изображений казни (небрежность линии и эскизность в первом и выполненная тонко отточенным пером и напоминающая чертежную прорисовка деталей во втором, сделанном в иной технике, с приданием картине объема и глубины), свидетельствующих о возможной самостоятельности изобразительного текста. Объяснение, данное А. М. Эфросом («Пушкин, вернувшись еще раз к зарисовке, пытался внутренне непроизвольно, нагляднее и острее представить себе жуткую картину мучительной смерти людей, с которыми, как позднее он признавался Николаю I при свидании-допросе после возвращения в Москву из ссылки, был бы вместе во время восстания»¹¹), не кажется убедительным.

Документальный рисуночный текст, возникавший либо параллельно, либо вне его словесного художественного аналога, с трудом подчиняется сформулированному А. М. Эфросом правилу пушкинской графики: «Пушкинский рисунок появлялся

в творческих паузах, в малых перерывах стихописания, в минуты критической остановки, во время коротких накоплений или разрядов поэтической энергии»¹². Эти рисунки не «всегда» укладываются в «один из ассоциативных рядов, тянущихся вдоль возникающего стихотворения».

Изображения казни находятся на верхнем и нижнем полях листа. Отраженные в рисунках события дают исходную хронологическую точку их датировки, — не ранее 24 июля, времени получения в Михайловском известия о петербургской экзекуции; вторая дата, не ранее 8 сентября 1826 г., определяется содержанием записанной в нижнем рисунке документальной информации, ставшей доступной поэту в Москве по возвращении из ссылки.

Верхний набросок является структурной частью словесно-графического комментария, объединенного темой судьбы, к приговору Верховного уголовного суда по делу 14 декабря: 1) строка «И я бы мог, как [шут, ви<сеть>]», повторенная ниже в сокращенном виде с открытым финалом «И я бы мог...»; 2) профиль С. П. Трубецкого, диктатора восстания, сохранившего себе жизнь; 3) изображение смертной казни, задевающее начертание словесной фразы, в ее полном варианте, и идущее поверх контурной линии портретного очерка декабриста, допускающее вариативность аргументации восстанавливаемой последовательности возникновения записей верхней части листа и не дающее основание считать версию заполнения автографа, свидетельствующую о его стихотворном происхождении, от слова к рисунку, единственно возможной.

С. П. Трубецкой, знакомый Пушкину по непродолжительному петербургскому общению в первой половине 1819 г., спас себе жизнь, не явившись 14 декабря на Сенатскую площадь. Этот факт подчеркнут в Донесении Следственной комиссии («...князь Трубецкой скрывался от своих сообщников, он спешил в Главный штаб присягать вашему величеству, думая сею готовностью загладить часть своего преступления»), отмечен как смягчающий вину в «Росписи государственным преступникам» («...согласился именовать главою и предводителем воинского мятежа, хотя в нем

лично и не действовал») и вызвал недоумение А. Д. Боровкова, правителя дел Следственной комиссии («...странно показалось мне, что Верховный уголовный суд не поместил князя Трубецкого вне разрядов вместе с приговоренными к смертной казни Пестелем, Рылеевым, Сергеем Муравьевым-Апостолом, Бестужевым-Рюминым и Каховским. Разве Трубецкому вменили в заслугу, что при возмущении 14 декабря он не явился на площадь командовать мятежниками? Однако он был диктатором, деятельным распорядителем заговора, следовательно, и в наказании должен быть поставлен в главе») ¹³.

Пушкина, по его мнению, спасло «Провиденье», не позволившее оказаться в день восстания на Сенатской площади («От бурь спасенный Провиденьем...»). С. П. Трубецкой сохранил себе жизнь, сознательно сделав выбор, цена которого стала понятна ему лишь после 14 декабря («...я не только главный, но, может быть, и единственный виновник всех бедствий того дня и несчастной участи всех злополучных моих товарищей, которых я вовлек в ужаснейшее преступление и примером моим и словами моими» ¹⁴). С дочерью С. П. Трубецкого, Е. С. Давыдовой, у которой находился впоследствии уничтоженный ею личный архив декабриста, был близко знаком А. И. Маркевич. Дочь последнего, Е. А. Кашлякова, рассказывала: «В Сибири Трубецкой наравне со всеми декабристами мужественно переносил каторгу. Вместе с женою, роль и подвиг которой в его судьбе и судьбе его товарищей трудно переоценить, всячески помогал им и их семьям. Но дума „о тех пятерых“, по неоднократному свидетельству его дочери (о чем я часто слышала от своего отца), никогда не покидала его, и невольно приходила в голову мысль, что, выйди он на площадь, он был бы шестым повешенным. Это усугубляло его страдания, что, естественно, передавалось и его близким. В своих долгих и откровенных беседах с Арсением Ивановичем Маркевичем Е. С. Давыдова не раз говорила об этом» ¹⁵.

Считавшего себя случайно уцелевшим поэта («И я бы мог...») и обвинявшего себя в сознательном спасении диктатора восстания («...был бы шестым повешенным»: в «Росписи государственным

преступникам» «полковник князь Трубецкой», открывавший список осужденных первого разряда, был шестым по нумерации и шел после «поручика Каховского») объединила общность судьбы избежавших виселицы.

Верхний набросок-цитата (виселица, контурно обозначенные фигуры повешенных, вал кронверка Петропавловской крепости) является переложением на графический язык сообщений, помещенных в «Journal de Saint-Pétersbourg» от 15 / 27 июля («...казнены публично сего июля 13-го дня между 4 и 5 часов утра на одном из внешних укреплений Петербургской крепости») и «Северной пчеле» от 17 июля 1826 г. (приговор «исполнен сего июля 13-го дня по утру в пятом часу, всенародно на валу кронверка Санкт-Петербургской крепости»). Закрытые ворота кронверкского вала, пририсованные со второго приема (линия ворот идет по валу, перечеркивая его), авторское добавление, корректировавшее местонахождение виселицы, не придали картине достоверности. Попытка воспроизвести сцену казни не удалась: подсказанные воображением и зрительной памятью реалии приблизительны и не точны.

Нижний рисунок л. 37, сделанный осведомленным и знающим предмет рисовальщиком, изобразительно реконструировал документированные показаниями очевидцев топографический контекст и технический регламент исполнения приговора и «взглядом Шекспира» восстанавливал зрелище насильственной смерти людей 14 декабря.

3

Слухи об исполнении смертного приговора распространялись еще во время следствия. 8 января 1826 г. в записной книжке А. И. Сулакадзева появилась запись: «Сказывают, что на Волковом поле расстреляли пять бунтовщиков»¹⁶. Семинарист Владимирской-на-Клязьме семинарии записал в дневнике 20 февраля: «На нынешней неделе некоторые гвардейские роты

при параде среди С<анкт>-Петербурга расстреливали пятерых бунтовщиков по высочайшему повелению. Трех из них объявлены и фамилии, а именно Бестужева, Рылеева и Трубецко-го»¹⁷. 23 июня появился слух, что «преступников будут вешать»¹⁸. «В июле 1826 года, — вспоминал Н. С. Щукин, — вдруг сделалось известно, что завтра будут казнить заговорщиков. Многие этому не поверили. Как, говорили, смертная казнь уничтожена! Другие подтверждали, что нет положительного указа об уничтожении смертной казни, а самодержавие может делать все»¹⁹. Одни говорили, что «вешать будут на площади, где они бунтовались», другие утверждали, что казнь «будет происходить на Волковом поле», но точно «никто, или почти никто, не знал ни о месте, ни о времени экзекуции»²⁰. Агент III Отделения доносил 12 июля: «Уверяют, что приговор мятежникам подписан в субботу императором и что казнь совершится завтра или послезавтра. Все войска, находящиеся в лагерях, должны здесь присутствовать. Говорят, что 5 или 6 из главных виновных будут расстреляны на гласисе Петербургской крепости и что другие будут наказаны кнутом и сосланы в каторжные работы в Нерчинск»²¹. Флигель-адъютант Н. Д. Дурново записывал в свой дневник 12 июля: «Завтра будет казнь. Вечером — у Закревского и Татищева. Всюду только и говорят, что о завтрашнем событии»²². Последнее утверждение вызывает сомнение. Н. В. Путята, адъютант финляндского генерал-губернатора и командира Отдельного Финляндского корпуса А. А. Закревского, не был осведомлен ни о времени, ни о месте казни, не смог он узнать «ничего положительного» и у Н. А. Муханова, адъютанта петербургского военного генерал-губернатора П. В. Голенищева-Кутузова, на которого было возложено «совершение казней и наказаний над государственными преступниками».

Люди пришли ночью 13 июля к Петропавловской крепости либо, как О. А. Пржецлавский и А. Парчевский, узнав «об этом случайно», либо, как Н. В. Путята и А. Л. Неклюдов, «влекомые каким-то безотчетным, тревожным любопытством», либо, как «отставной военный» Артемьев, имевший собственный дом «близ церкви Троицы», привлеченный стуком топоров и оркестром

л.-гв. Павловского полка, игравшим марши во время экзекуции²³. По свидетельству А. Е. Розена, «народу, зрителей было мало, только около входа в крепость пред подъемным мостом толпилась куча небольшая»²⁴. О том, что «народа было немного», сообщают С. П. Трубецкой, Н. И. Лорер, М. А. Бестужев, Д. И. Завалишин, Н. Р. Цебриков²⁵. А. М. Муравьев, напротив, отмечал, что, «несмотря на тайну, которой пытались окружить казнь, на площади собралось много народа»²⁶. О. А. Пржецлавский, находившийся на площадке Троицкого моста, вспоминал, что в начале экзекуции «посторонних зрителей было очень немного», но в пятом часу утра «из города и с Петербургской стороны собралось немало зрителей»²⁷. По словам А. И. Чернышева (в передаче императрицы Марии Федоровны), «толпа не была велика, но она увеличилась к концу казни»²⁸. Когда казнь совершилась, свидетельствует начальник кронверка В. И. Беркопф, было уже «светло» и «народу собралось вокруг тьма-тьмущая»²⁹. Агент III Отделения доносил: «Народа было немного, черни в соразмерности гораздо менее, нежели людей порядочных»³⁰. По сведениям А. Я. Булгакова, «зрителей было не так много из высших классов, но много черни, которая казалась весьма озлобленною»³¹. Противоречие свидетельств объясняется тем, что люди стояли не одной толпой, а несколькими группами.

Одну из них, по словам Н. В. Путяты, составляли «жители окрестных домов, сбежавшиеся на барабанный бой»³². О другой известно из донесения агента III Отделения, находившегося на эспланаде, которое он выразительно озаглавил «Замечания в кругу литераторов и журналистов», и рассказа Н. В. Путяты, видевшего среди зрителей А. А. Дельвига и Н. И. Греча³³. Еще об одной группе сохранилось свидетельство В. С. Толстого, который, читая «Записки декабриста» А. Е. Розена, над его словами «около входа в крепость пред подъемным мостом толпилась куча небольшая» — надписал «чиновников»³⁴. О четвертой упоминает Н. Р. Цебриков: «Нам хорошо было видно, что на Троицком мосту довольно много было дам, из которых очень многие плакали. Это были жены и родственники пострадавших»³⁵.

Следующую группу зрителей называет И. Д. Якушкин: «...большею частью это были лица, принадлежавшие к иностранным посольствам»³⁶. Свидетельство И. Д. Якушкина подтверждается рядом фактов. К. Фарнгаген фон Энзе в своем дневнике (1826 г.) упоминает Г. Редерна, секретаря-посланника прусской дипломатической миссии в Петербурге, и замечает: «...он, как очевидец, рассказывает о происходивших в Петербурге казнях»³⁷. «Учитель фехтования» О. Гризье рассказывал А. Дюма: «11/23 июля, вечером ко мне явился один молодой француз, мой давний школьный товарищ, находившийся в миссии маршала Мармона; я часто просил его держать меня в курсе новостей, которые, по его дипломатической должности, он мог получить раньше меня. Он прибежал мне сказать, что маршал и его свита только что получили от Лаферронэ приглашение явиться завтра в 4 часа утра во французское посольство, окна которого, как известно, выходят на крепость. Не было никакого сомнения, что для присутствия на экзекуции»³⁸. По свидетельству Н. В. Путьяты, среди зрителей, собравшихся у крепости, был «французский офицер Деларю, только что прибывший в Петербург в свите маршала Мармона, присланного послом на коронацию императора Николая Павловича. Деларю был школьным товарищем Сергея Муравьева-Апостола в каком-то учебном заведении в Париже, не встречался с ним с того времени и увидел его только на виселице»³⁹. В составе чрезвычайного французского посольства действительно находился лейтенант-полковник Деларю, шеф-адъютант маршала О. Мармона⁴⁰. Во второй половине 1843 г. А. Кюстин записал рассказ о казни «одного из очевидцев», «особы, служившей в посольстве Франции в то время, когда умер император Александр»⁴¹.

Присутствие дипломатов на эспланаде Петропавловской крепости (объясняющее происхождение опубликованных во французских газетах в конце июля/начале августа корреспонденций из Петербурга, с точностью, доступной очевидцам, сообщавших о подробностях казни) можно считать установленным. Этот круг возможных очевидцев был достаточно широк: находившиеся в столице представительства двадцати четырех иностранных

держав и прибывшие в Петербург на коронацию русского императора шесть чрезвычайных посольских миссий.

Свидетелями казни были принимавшие участие в экзекуции батальоны и эскадроны, составленные из взводов от всех полков гвардии, в которых проходили службу осужденные по делу 14 декабря. На эспланаду Петропавловской крепости были выведены сводный кирасирский эскадрон из взводов л.-гв. Кавалергардского, Уланского, Гусарского полков, 1-го коннопионерного эскадрона и лейб-Кирасирского ее величества; два сводных пехотных батальона из взводов л.-гв. Преображенского, Московского, Семёновского, Гренадерского, Измайловского, Павловского, Егерского и Финляндского полков; сводная батарея от гвардейской артиллерии из шести орудий. Из приказа по Гвардейскому корпусу от 12 июля 1826 г. устанавливается, что на крепостной эспланаде в три часа утра 13 июля 1826 г. были построены 22 взвода, составившие 11 сводных рот (не считая артиллерии, конвоя и оркестра л.-гв. Павловского полка, барабанщиков, «флейтчиков» и горнистов при каждом батальоне и эскадроне). Каждый взвод прибыл со своим командиром. При сводных батальонах и эскадронах находились старшие офицеры и полковые адъютанты. Войсками командовали генералы А. Л. Воинов, А. И. Чернышев, К. И. Бистром, И. О. Сухозанет, С. Ф. Апраксин, П. А. Чичерин, Е. Б. Кравстрем, Е. А. Головин⁴².

Во второй половине июля 1826 г. дипломатический корпус и чрезвычайные посольства, генералитет и обер-офицеры Гвардейского корпуса прибыли в Москву для участия в церемонии коронации Николая I. Москва не была очевидцем трагедии. Она питалась слухами и правительственными сообщениями. 18 июля 1826 г. в Москве отдельным изданием (листочком) был отпечатан Манифест 13 июля (как и в Петербурге, «совокупно» с «Выпиской из протокола Верховного уголовного суда от 11 июля»). «Ужасная новость», по свидетельству П. Е. Анненковой, произвела в Москве «страшное впечатление»⁴³. М. П. Погодин записал в «Дневнике»: «18 <июля>.<...> Повесили и вечно на каторгу. Меня как громом поразило. К Труб<ецким> (семейство И. Д. Трубецкого, где

М. П. Погодин был домашним учителем. — Г. Н.). <...> Говорили о суде и проч. <...> До третьего часа не уснул я, думал о виселице, каторге <...>. 19 <июля>. В 6 час<ов> отпра<в>ился в Кремль — молебен о прекращении заговора. <...> К Венев<итинову>. <...> Гов<орили> долго о суде и судившихся, о судопроизводстве английском, — и проч. Читал указы о суде». Разговор продолжился через четыре дня: «23 <июля>. Приехал Венев<итинов>. Говорили об осужденных»⁴⁴. К этому времени могли прийти петербургские «Journal de Saint-Pétersbourg» (15/27 и 17/29 июля), «Северная пчела» (17 июля), «Русский инвалид» (15–17 июля). А. И. Герцен был не совсем точен, вспоминая в «Былом и думах»: «Жители Москвы едва верили своим глазам, читая в „Московских ведомостях“ страшную новость»⁴⁵. «Доклад» суда был опубликован в «Московских ведомостях» только 21 июля, Манифест 13 июля, «Роспись государственным преступникам», «Указ» о «пощадах» и «Выписка» — 24 июля.

В сентябре 1826 г. в Москве находилось большинство очевидцев и непосредственных участников событий 13 июля. Не случайно Ж. Ансело, приехавший в Россию в составе чрезвычайной посольской миссии маршала О. Мармона в апреле 1826 г., в Москве, в сентябрьские дни коронационных торжеств записал рассказ о казни⁴⁶. 29 сентября на квартире П. А. Вяземского Пушкин познакомился с А. Я. Булгаковым, составлявшим описание политических событий для исторической хроники «Современные записки», а накануне коронации, по службе в Московском архиве Министерства иностранных дел, занятым устройством в Москве дипломатического корпуса и чрезвычайных иностранных миссий, прибывших на церемонию. Из «Современных записок» А. Я. Булгакова выясняется, что в Москву на коронационные торжества прибыли сто пять дипломатов и двенадцать иностранных «путешественников». Только чрезвычайное посольство Пруссии и английское посольство находились в резиденции Николая I, все остальные были размещены А. Я. Булгаковым по частным домам, доступным поэту. Так, дипломатическая миссия Вюртембергского королевства

остановилась в доме П. А. Вяземского, а миссия австрийского посланника — в доме М. И. Римской-Корсаковой⁴⁷.

В материалах «Современных записок» А. Я. Булгакова содержится рассказ о казни декабристов. Один из своих источников А. Я. Булгаков называет: «...присутствовавший при сем зрелище генерал-адъютант Бенкендорф»⁴⁸. Личность А. Х. Бенкендорфа, по словам М. А. Корфа, «нисколько не позволяла предполагать, чтобы у него, если б и нашелся досуг, достало охоты, терпения, а в некоторой степени даже и способностей класть на бумагу обильный запас впечатлений и воспоминаний»⁴⁹. После смерти А. Х. Бенкендорфа в 1844 г., при разборе бумаг нашлась «книга толстых тетрадей, писанных его рукой и содержащих в себе его записи». Мемуары были представлены Николаю I, который прочел их с «большим, как он изволил отозваться, любопытством»⁵⁰. Сведения, записанные А. Я. Булгаковым, по его свидетельству, со слов А. Х. Бенкендорфа, дословно повторяют сообщаемые последним подробности о казни, но одна важная деталь опущена. В «Записках» А. Х. Бенкендорфа содержится отсутствующее в записи А. Я. Булгакова по военному точное указание: «Виселица для них была приготовлена на вале тет-де-пона... (...sur le rempart de la tête de pont)»⁵¹, т. е. на вале мостового укрепления кронверка. Вал мостового укрепления имел широкую верхнюю часть, на площадке которой можно было установить виселицу; начиная с фланка тет-де-пона вал был наружной земляной стеной кронверкской крепости (состоявшей из центрального бастиона, двух полубастионов, двух рavelинов, двух куртин) с непригодным для этой цели узким профильным верхом.

Виселица в рисунке Пушкина изображена на вале тет-де-пона. Источником информации могли быть разные сведущие люди. Но определенно можно сказать, что им не был Н. В. Путьята, с которым Пушкин познакомился в сентябре 1826 г. в Москве. В мае 1856 г. Н. А. Рамазанов получил предложение от О. Монферрана сочинить и исполнить четыре рельефа к памятнику Николаю I на Исаакиевской площади в Петербурге (открыт в 1859 г.). Н. А. Рамазанов, собирая материалы и «сведения от разных лиц» для заказанной ему работы, перевел с французского рассказ

очевидца казни И. Шницлера и показал перевод другому очевидцу, Н. В. Путяте, который сделал одно замечание (в том месте, где было сказано о М. П. Бестужева-Рюмине «его взнесли», он поправил — «его взвели под руки») и написал собственные воспоминания, начав их словами: «Этот рассказ Шницлера вполне верен»⁵². Все дело, однако, в том, что рассказ И. Шницлера, и в подлиннике содержавший ряд ошибочных сведений, в переводе Н. А. Рамазанова, засвидетельствованном Н. В. Путятой, был и вовсе не верен. Свидетельство И. Шницлера о том, что виселица возводилась «на валу крепости, против небольшой деревянной церкви Св. Троицы, расположенной на берегу Невы (sur le rempart de la forteresse qui regarde la petite église en bois vermoulu à l'invocation de la Trinité placée sur le bord de la Neva)», было переведено так: «...близ крепостного вала, против небольшой и ветхой церкви Св. Троицы, на берегу Невы, начали с двух часов утра устраивать виселицу»⁵³.

А. Х. Бенкендорф не сообщает, где именно на вале тет-де-пона была воздвигнута виселица. Н. С. Щукин («...на конце вала, к [Петербургской стороне] Троице»), В. С. Толстой («...у ворот кронверка») и И. Шницлер («...ворота, недалеко от которых находилась виселица»)⁵⁴ уточняют свидетельство А. Х. Бенкендорфа. Нижний рисунок л. 37 дает точное топографическое указание места смертной казни: вал мостового укрепления, у восточных ворот, ведущих в кронверк с крепостной эспланады⁵⁵. Летом 1836 г. в Петербурге находилась «кавалерист-девица» Н. А. Дурова: «С ужасом и содроганием отвратила я взор свой от места, где несчастные приняли достойно заслуженную ими казнь... Александр Сергеевич указал мне его»⁵⁶.

4

Веревка одной из фигур повешенных в рисунке крепится не на крюке, как у остальных, а захлест, несколькими четко обрисованными параллельными витками обвивая перекладину. В большинстве мемуарных свидетельств содержится описание

ужасного момента казни, когда трое повешенных сорвались и упали в яму под виселицей. Описания случившегося содержат две версии. По одной из них, причиной падения явились незатянувшиеся веревочные петли. По мнению О. А. Пржецлавского, «веревки были новы и туги», головы «осужденных просунулись вниз сквозь незатянувшиеся петли»⁵⁷. По мнению И. Д. Якушкина, «неудача казни произошла оттого, что за полчаса перед тем шел небольшой дождь, веревки намокли, палач не притянул довольно петлю, и когда он опустил доску, на которой стояли осужденные, то веревки соскользнули с их шеи»⁵⁸. О дожде не упоминает ни один из очевидцев, только В. И. Штейнгейль вспоминал, что «утро было мрачное, туманное»⁵⁹. По словам помощника квартального надзирателя, утро 13 июля выдалось теплое и ясное, «погода была чудная»⁶⁰. По официальному «наблюдению погоды», было «пасмурно и дождик»⁶¹. Новые веревки или «дождик», если он и был, едва ли могли явиться причиной неудачи: начальник кронверка В. И. Беркопф смазывал веревочную петлю «салом, чтобы она плотнее стягивалась»⁶². Если бы веревки «соскользнули» с повешенных или «сорвались» с перекладины, как предположил И. И. Горбачевский, то для повторного повешения не потребовались бы веревки, за которыми, по свидетельству В. И. Беркопфа, «послали в ближние лавки, но все было заперто, почему исполнение казни еще промедлилось»⁶³. Показание начальника кронверка подтверждают «присутствовавший по службе при казни», Н. Д. Дурново, а также М. И. Муравьев-Апостол⁶⁴. Версия о «соскользнувших веревках» встречается в свидетельствах очевидцев из числа зрителей и в мемуарах декабристов.

Вторая версия («оборвались веревки») сообщается в показаниях должностных лиц, принимавших участие в исполнении приговора. Она записана в рисунке: веревка повешенного изображена более длинной; ее длина, подчеркнутая несколькими витками вокруг перекладины, обозначает, что это «другая» веревка, использованная для повторного повешения (за ней посылали в «ближние лавки»). Графически показаны причина падения (обрыв

веревки) и способ крепления при повторном акте (взахлест через перекладину), последнее не отмечено ни в одном из имеющихся источников, об этом можно прочесть только в пушкинской записи. По мнению В. И. Беркопфа, веревки оборвались потому, что «преступники были обременены самыми тяжелыми кандалами»⁶⁵. Н. Р. Цебриков полагал, что «были веревки гнилые или от неумения палачей все это произошло»⁶⁶. Н. А. Бестужев и М. С. Лунин тоже думали, что «неумение или смятение палачей продлило мучения осужденных»⁶⁷. Императрица Мария Федоровна записала в дневнике со слов А. И. Чернышева, что все произошло по вине палача, который взял «слишком тонкую веревку»⁶⁸.

Утром 12 июля на земляном вале тет-де-пона крепили тесом вырытую яму и делали над нею настил. «Работающих плотников» видел из окна своей камеры № 13 в Кронверкской куртине А. Е. Розен, но «не понимал, что они строят из бревен» («...то подымали, то опускали два столба», «...обтесанные брусья лежали на валу»)⁶⁹. Днем 12 июля П. В. Голенищев-Кутузов репетировал казнь, бросая «мешки с песком в восемь пудов на тех самых веревках, на которых должны были быть повешены преступники, одни веревки были тоньше, другие толще». «Удостоверясь лично в крепости веревок», П. В. Голенищев-Кутузов «определил употребить веревки тоньше, чтобы петли скорей затянулись»⁷⁰. Виселица изготовлялась в городской тюрьме. Ее строили архитектор Х. И. Герней и военный инженер Матушкин под надзором старшего полицмейстера Н. Н. Посникова. Вечером 12 июля виселица была разобрана «по частям» и «в разное время от 11 до 12 часов ночи» была отправлена из Коломны на шести подводах по Троицкому мосту в кронверк. К месту назначения прибыли «только пять возов». Шестая подвода, на которой везли перекладину, пропала. Пришлось «делать другой брус». «Присутствовавший по службе при казни» сообщает, что первоначально изготовленная перекладина была с «железными кольцами»⁷¹. Новые «кольца» сделать, наверное, было непросто, взамен их могли употребить показанные в графической записи обычные железные крючья.

Крепость веревок испытывалась и тогда, когда виселица была уже установлена на валу кронверка. И. Д. Якушкин, «вышедши из крепости», увидел «помост, над которым возвышались два столба, на столбах лежала перекаладина, а на ней висели веревки»: «Я помню, что когда мы проходили, то за одну из этих веревок схватился и повис какой-то человек»⁷². Помощник квартального надзирателя справедливо недоумевал, рассказывая о казни Н. А. Благовещенскому: «Ну, сам посуди, веревки были одинаковые и крепкие, их перед этим пробовали, отчего же не сорвались ни Пестель, ни Каховский?»⁷³ «Неизвестный очевидец», стоявший «близ мостика, ведущего к крепостным воротам», видел, как «пять человек палачей, в черных одеждах, прикрепляли веревки»⁷⁴. Эти «пять человек» были упоминаемые Н. С. Щукиным «плотники», которые, устанавливая на валу виселицу, поставили «два столба» и «на них положили перекаладину»⁷⁵. В этот момент веревки могли быть подрезаны.

Во время следствия и суда преобладало мнение, что «все делается для того, чтобы поразить умы»⁷⁶ и что император в политических интересах непременно отдаст предпочтение милосердию. Узнав о приговоре, П. А. Вяземский писал жене 17 июля: «Ты знаешь, я не очень доверчив к надеждам и всегда более склонен подозревать в худом, но, признаюсь, я не ожидал такой решимости в мерах»⁷⁷. «Никто не ожидал смертной казни, — отмечал А. И. Кошелев. — Во все царствование Александра I не было ни одной смертной казни, и ее считали вполне отмененною»⁷⁸. Подследственным говорили: «Мы уверены, что по раскрытию всего дела будет объявлена всеобщая амнистия»⁷⁹. Солдаты в Петропавловской крепости, по свидетельству С. П. Трубецкого, «уверяли», что «все хорошо для нас кончится», «в бывшем 14 декабря происшествии сам император с главными лицами виноват, и ему нельзя нас наказывать»⁸⁰. Накануне казни распространились слухи о предстоящем помиловании. Передавали, что с «искренним горем государь подписывал на них и многих других приговор, говоря: „Каких я и Россия теряем людей превосходных, увлекшихся

духом времени“», и что Николая I «долго не могли уговорить о виселице»⁸¹.

12 июля Верховный уголовный суд, собравшись в Петропавловской крепости, объявил государственным преступникам «свой приговор» и Указом 10 июля высочайше «даруемые им пощады». Во время объявления приговора в комендантском доме к И. Д. Якушкину подошел «увещатель подсудимых» протоиерей Казанского собора П. Н. Мысловский, «отозвал <...> в сторону и сказал: „Вы услышите о смертном приговоре, не верьте, чтобы свершилась казнь“». «Слова Мысловского, — вспоминал И. Д. Якушкин, — уверили меня, что смертной казни не будет. Бóльшая часть из нас была в той же уверенности»⁸². Свидетельство подтверждается С. П. Трубецким, которому П. Н. Мысловский сказал, отведя «к окошку»: «Они будут приговорены к смертной казни, и даже их поведут, но они будут помилованы. Я хотел вас предупредить»⁸³, и Е. П. Оболенским, который из слов священника «понял, что испытание будет, но что оно окончится помилованием»⁸⁴. Вечером в казематах Кронверкской куртины, где находились приговоренные к смерти, по свидетельству Н. Р. Цебрикова, было «поразительно» тихо: «Солдаты, прислуживавшие в номерах, чтоб не прерывать эту тишину, ходили на цыпочках. Они плакали»⁸⁵. П. Н. Мысловский впоследствии говорил С. П. Трубецкому, что, находясь у виселицы, «он ежеминутно ожидал гонца о помиловании, и, к крайнему своему удивлению, тщетно»⁸⁶.

«Невольный ужас при виде сей необычной» в России казни, которым, по свидетельству агента III Отделения, «были объята все присутствовавшие»⁸⁷, и вера в христианское милосердие объясняют состояние мастеровых, действовавших в надежде на помилование, по обыкновению якобы ожидавшее сорвавшихся с виселицы. Как знак помилования было воспринято происшедшее зрителями. По словам неизвестного очевидца, приславшего отчет о казни в парижские газеты, когда «три веревки разорвались», «в это мгновение все посчитали это способом, примененным для того, чтобы помиловать троих осужденных»⁸⁸.

Французский дипломат рассказывал А. Кюстину: «...три веревки рвутся, две несчастные жертвы падают на дно рва, третья остается на краю... Присутствующие при этой мрачной сцене приходят в волнение, их сердца бьются сильнее от радости и признательности при мысли, что император избрал этот способ для того, чтобы примирить человеколюбие с интересами политики»⁸⁹. А. Х. Бенкендорф, «видя, что принимаются снова вешать этих несчастных, которых случай, казалось, должен был освободить, воскликнул: „Во всякой другой стране...“ — и оборвал на полуслове»⁹⁰. П. А. Вяземский писал жене 20 июля 1826 г.: «Народ говорил, что, видно, Бог не хочет казни, что должно оставить их, но барабан заглушил вопль человечества, и новая казнь совершилась»⁹¹.

5

Только О. А. Пржецлавский, видевший экзекуцию «издалека», «при помощи биноклей», Н. В. Басаргин, Д. И. Завалишин, А. М. Муравьев, С. П. Трубецкой и Н. Р. Цебриков, получившие сведения из вторых рук, а также петербургский обер-полицмейстер Б. Я. Княжнин (в записи И. Руликовского), утверждают, что сорвавшихся было двое⁹². Все остальные мемуаристы определенно говорят о троих сорвавшихся. В рисунке Пушкина повешенные изображены в различных состояниях (фигуры по краям даны в состоянии покоя, неподвижности, а три фигуры посередине находятся в состоянии движения). На разную прорисовку тел повешенных в рисунке обратил внимание А. М. Эфрос: «Левый висит мешком, у второго еще движутся ноги, третий и четвертый — в конвульсиях, пятый неподвижен»⁹³. Состояние движения, читаемое в изображении трех фигур посередине, может рассматриваться как указание на то, что именно эти повешенные сорвались с виселицы во время казни.

Осужденные были размещены на эшафоте в том порядке, в каком они были названы в приговоре суда: П. И. Пестель (крайний

справа), К. Ф. Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин, П. Г. Каховский (крайний слева). Для стоявших по ту сторону вала, на гласисе, эспланаде и на Троицком мосту, соответственно наоборот: П. И. Пестель — крайний слева, П. Г. Каховский — крайний справа. В «Докладе» Верховного уголовного суда и «Росписи государственным преступникам» объявлялось о приговоре к казни «четвертованием» и «отсечением головы» тридцати шести человек (не вошедших «в состав разрядов» и «первому разряду»). В Указе 10 июля, передававшем решению суда «участь преступников, кои по тяжести их злодеяний поставлены вне разрядов», и в Манифесте 13 июля, сообщавшем о приведении приговора в исполнение, смертники не названы. Осужденные к казни через повешение были поименованы и перечислены в определенной последовательности только в «Выписке из протокола Верховного уголовного суда от 11 июля», изданной в Петербурге отдельным листком после состоявшейся казни, днем 13 июля, и опубликованной в петербургских газетах, совокупно с Манифестом 13 июля и документами суда, 15–19 июля.

Зрители не только могли не быть осведомлены о порядке размещения осужденных на эшафоте, многим не было известно, кто приговорен к смертной казни. Версии были различные. Так, А. П. Волконская сообщала своей тетке, В. А. Репниной-Волконской, в письме от 12 июля 1826 г. из Петербурга: «Пятеро, наиболее виновных, приговорены к четвертованию, но по указу императора они будут повешены. Сенат прибавил к ним еще троих, но потом исключил, однако император приговорил их к смерти, так же как и первых пять. Вот их имена: Пестель, Рылеев, Каховский, Бестужев-Рюмин и Сергей Муравьев-Апостол, а также Якубович и Артамон Муравьев. Из этих семи, или даже десяти человек, некоторые обратились к императору с прошением о замене виселицы расстрелом»⁹⁴. На эспланаде и ближней площадке Троицкого моста находились люди, знавшие осужденных на смерть, но «по дальности расстояния, — свидетельствует И. Шницлер, — зрителям трудно было распознать их в лица; виднелись только серые халаты с капюшонами, которые закрывали им головы»⁹⁵.

Мемуарные свидетельства декабристов об исполнении смертного приговора составлены со слов должностных лиц гарнизона Петропавловской крепости и протоиерея П. Н. Мысловского. Первые, утверждает М. А. Бестужев, «говорили по слухам», «из всех из них свидетельство только Волкова (командира команды внутренней стражи. — Г. Н.), как единственного личного свидетеля, принять должно»: «Но как мог знать Волков, кто Каховский, кто Рылеев? У кого он мог спросить об этом? Не у палача же, не у Кутузова же!.. Сверх того тюремная жизнь так морально изменила всех нас, что брат Николай едва признал Рылеева, когда в Алексеевском равелине они бросились друг другу на шею»⁹⁶. П. Н. Мысловский, «когда под несчастными отняли скамейки», либо упав «ниц» (Н. И. Лорер), либо «сошедши по ступени с помоста, обернулся» (И. Д. Якушкин) и только тогда «увидел», что произошло⁹⁷. «Присутствовавший по службе при казни» «был так занят Рылеевым, что не обратил внимания на остальных оборвавшихся с виселицы»⁹⁸. Императрица Мария Федоровна, называя (со слов А. И. Чернышева) сорвавшихся с виселицы, сомневалась в точности сообщаемых ею сведений (К. Ф. Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол и, «кажется», М. П. Бестужев-Рюмин)⁹⁹. Помощник квартального надзирателя показал, что сорвались К. Ф. Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин¹⁰⁰. По версии П. В. Голенищева-Кутузова, «при первом разе» сорвались К. Ф. Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол, П. Г. Каховский.

Очевидцы казни находились, как известно, с разных сторон виселицы. Потрясенные происшедшей на их глазах трагедией, они, как правило, фиксировали в памяти лишь порядковый номер сорвавшихся, считая слева направо (первый, второй, крайний), и только после казни расшифровывали их поименно (не всегда учитывая, что порядок мог меняться в зависимости от стороны наблюдения). Так, И. Шницлер писал: «Пестель и Каховский повисли; но трое тех, которые были промежду них, были пощажены смертию»¹⁰¹. «Самовидец» вспоминал: «Эшафот загремел, и два первые в очереди преступника повисли, делая конвульс<ив>ные движения головою, плечами и ногами, а остальные трое упали на

землю, потому что веревки оборвались»¹⁰². Н. Д. Дурново записал в дневнике вечером 13 июля: «...веревки 2-го, 3-го и 5-го оборвались»¹⁰³. Характерно в этом смысле свидетельство Н. С. Щукина, помнившего, что «висевшие посередине упали на землю, а двое крайних висели»: «После сделалось известно, что на виселице остались Пестель и Каховский, оторвались Рылеев, Бестужев-Рюмин и Муравьев-Апостол»¹⁰⁴.

Указанные обстоятельства (сторона наблюдения, регламент размещения, расшифровка порядковых номеров) могут объяснить противоречия в показаниях очевидцев, в том числе и свидетельств «присутствовавшего по службе при казни», утверждавшего, что «сорвались Рылеев, Пестель и Каховский», и помощника квартального надзирателя, который говорил, что сорвались «трое средних» — К. Ф. Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин, «только на краях остались висеть Пестель и Каховский», и на замечание Н. А. Благовещенского: «А говорят, что именно они-то и сорвались, Пестель и Каховский, да еще Рылеев» — убежденно отвечал: «Неправда. Я ведь тут же стоял. Врут!»¹⁰⁵ Но как объяснить, что П. В. Голенищев-Кутузов, руководивший исполнением приговора, недавний член Следственной комиссии, в своем донесении от 13 июля называет сорвавшихся в неверной последовательности их размещения на виселице (К. Ф. Рылеев, П. Г. Каховский, С. И. Муравьев-Апостол)¹⁰⁶? Возможный ответ на этот вопрос содержится в свидетельстве «присутствовавшего по службе при казни»: «Генерал-губернатор, видя с гласису, что трое упали, прислал адъютанта Башуцкого, чтобы взяли другие веревки и повесили их»¹⁰⁷. П. В. Голенищев-Кутузов был в этот момент не на вале тет-де-пона, около виселицы, но, как и вся группа начальствующих лиц (И. И. Дибич, А. Л. Воинов, А. И. Чернышев, В. В. Левашов, К. И. Бистром, И. О. Сухозанет, А. Х. Бенкендорф, С. Ф. Апраксин, П. А. Чичерин, Е. Б. Кравстрем, Е. А. Головин, С. П. Шипов, П. Я. Башуцкий, Б. Я. Княжнин, Н. Д. Дурново, А. А. Болдырев, В. Д. Вольховский)¹⁰⁸, находился на гласисе, насыпи между наружным рвом кронверка и собственно эспланадой, и наблюдал издали.

В конфирмации проекта отношения к министру юстиции об издании указа Сената о приведении приговора в исполнение, представленном И. И. Дибичем 11 июля, Николай I назначил время смертной казни: «в 4 часа» утра¹⁰⁹. Воз с перекладной виселицы «пропал», долго «копались» на валу («...в четыре часа еще виселицу ставили»), и «такая пошла суматоха. Генерал-губернатор Кутузов из себя выходит просто». Обряд разжалования задержался, исполнение смертной казни, вместо положенных четырех утра, началось с опозданием. Смертников взвели на вал. Они поднялись на эшафот и «встали на место». Ударили в «бой, как для гонения сквозь строй», «с пожатием пружины в эшафоте, помост, на котором они стояли на скамейках, упал и в то же мгновение трое сорвались»¹¹⁰.

204-й Воинский артикул 1715 г. и толкование к нему («Когда палач к смерти имеет осужденному голову отсечь, а единым разом головы не отсечет, или когда кого имеет повесить, а веревка порвется, и осужденный с виселицы оторвется, и еще жив будет, того ради осужденный несвободен есть; но палач имеет чин свой до те мест отправлять, пока осужденный живота лишится, и тако приговор исправлен быть может»)¹¹¹ требовали продолжить экзекуцию и высочайшая воля на сей счет была известна. Накануне, 12 июля, И. И. Дибич обратился с докладом к Николаю I: «У меня явилась мысль: возможно, что кто-нибудь из приготовленных к смерти захочет открыть какие-нибудь тайны, которых мы не знаем. Если бы что-нибудь подобное случилось, мы оказались бы в нерешительности, можно ли замедлить с карой. Осмеливаюсь просить приказаний вашего величества на подобный случай, полагая, что следовало бы дать согласие на желание осужденного лица, если сообщаемое оказалось бы действительно первостепенной важности». Ответ Николая I гласил: «Если бы оказалось, что кто-либо из приговоренных к смерти захочет говорить, его показания можно выслушать; на этот случай я поручаю принять показания Чернышеву. Но казнь можно отложить только в самом крайнем случае; и во всяком случае ее надо исполнить над всеми остальными»¹¹². Увидев с гласиса, что веревки троих повешенных

оборвались, П. В. Голенищев-Кутузов «сперва прислал адъютанта, а потом и сам лезет, кричит, ругается: что это такое?.. Вешать их, вешать скорее!»¹¹³

А. Х. Бенкендорф, «чтоб не видеть этого зрелища, лежал ничком на шее своей лошади»¹¹⁴ и в своих воспоминаниях имен сорвавшихся с виселицы не назвал. А. Я. Булгаков записал со слов очевидцев, возможно, и А. Х. Бенкендорфа: «...веревка лопнула под Рылеевым, Бестужевым и Муравьевым»¹¹⁵. А. И. Чернышев, вечером того же дня отправленный Николаем I в Москву, сообщил императрице Марии Федоровне, что сорвались К. Ф. Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин¹¹⁶. На вопрос М. А. Бестужева: «Кто же сорвался?» — плац-майор Е. М. Подушкин ответил: «Муравьев-Апостол, Бестужев и еще третий — он бранился с генерал-губернатором Петербурга»¹¹⁷. По свидетельству М. А. Бестужева, плац-адъютант С. И. Трусков «положительно сказал, что Рылеев». Е. И. Трубецкая и А. Г. Муравьева «подтвердили это. Они говорили, что в тот же день во всех аристократических кружках Петербурга рассказывали как достоверное, сделавшееся известным через молодого адъютанта Кутузова»: «...неистовый возглас Кутузова: „Вешайте их скорее снова“ — возмущил спокойный предсмертный дух Рылеева, этот свободный, необузданный дух передового заговорщика вспыхнул прежнее неукротимостью и вылился в следующем ответе: „Подлый опричник тирана. Дай же палачу свои аксельбанты, чтоб нам не умирать в третий раз“»¹¹⁸. «Молодой адъютант» П. В. Голенищев-Кутузова — это поручик А. П. Башуцкий¹¹⁹. Его рассказ является свидетельством очевидца. Следовательно, «третьим» был К. Ф. Рылеев.

Однако эпизод остается непроясненным. М. Н. Волконская не подтверждает свидетельства Е. И. Трубецкой и А. Г. Муравьевой¹²⁰. «Присутствовавший по службе при казни» не припомнил, чтобы К. Ф. Рылеев «бранился»: «У Рылеева колпак упал и видна была окровавленная бровь и кровь за правым ухом, вероятно от ушиба. Он сидел скорчившись, потому что провалился внутрь эшафота. Я к нему подошел, он сказал: „Какое несчастье!“»¹²¹ Помощник квартального надзирателя, сопровож-

давший К. Ф. Рылеева на эшафот, вспоминал, что «кто-то отвечал из сорвавшихся» («...и повесить не умеют!»), «кажется, будто Рылеев»¹²². «Как сказывают близстоящие», «ругал палачей» С. И. Муравьев-Апостол, «что худо прикрепили веревки, ибо он расшиб себе лоб»¹²³. По словам А. И. Чернышева, осужденные к смерти «вели себя очень сдержанно, особенно Сергей Муравьев, Бестужев и Каховский»¹²⁴. «Цирюльник, бывший по службе при совершении казни», «находясь вблизи», вообще «не слышал, чтоб, сорвавшись с петли, казнимые что-нибудь сказали, хотя в народе был толк, противный этому»¹²⁵. Но ни один из очевидцев не показал, что «ругался» П. Г. Каховский: это утверждают только И. И. Горбачевский («Каховский же в это время, пока готовяли новые петли, ругал беспощадно исполнителя приговора, тут же бывшего генерал-губернатора петербургского Голенищева-Кутузова. Ругал так, как ни один простолюдин не ругался: „Подлец, мерзавец, у тебя и веревки крепкой нет; отдай свой аксельбант палачам вместо веревки и проч.“») ¹²⁶ и И. Д. Якушкин («Сергей Муравьев жестоко разбился; он переломил ногу и мог только выговорить: „Бедная Россия! и повесить-то порядочно у нас не умеют!“ Каховский выругался по-русски. Рылеев не сказал ни слова»)¹²⁷.

Веревки оборвались у тех, кто приготовился к смерти как «истинный христианин»: «...они исповедывались и раскаялись от чистого сердца. Бог их миловал»¹²⁸.

К. Ф. Рылеев принял смерть с «мужеством и смирением»¹²⁹. Вошедший в его камеру в Кронверкской куртине караульный «был поражен его спокойным видом и голосом. Он съел кусочек булки, запил водой, благословил тюремщика, благословил во все стороны соотчичей, и друга и недруга, и сказал: „Я готов идти!“»¹³⁰ Перед эшафотом он, «обратясь к товарищам, сказал, сохраняя все присутствие духа: „Господа! надо отдать последний долг“, и с этим они стали все на колени, глядя на небо крестились. Рылеев один говорил — желал благоденствия России...»¹³¹.

Религиозность и благочестие С. И. Муравьева-Апостола «еще задолго до роковой минуты внушали протоиерею

П. Н. Мысловскому такое глубокое почитание, что он часто и многим повторял: „Когда вступаю в каземат Сергея Ивановича, так мною овладевает такое же чувство благоговейное, как при восшествии в алтарь пред Божественною службою“»¹³².

В Кронверкской куртине, напротив камеры С. И. Муравьева-Апостола, по другую сторону коридора, находился М. П. Бестужев-Рюмин. Он был «крепкий духом, отклонил от самоубийства Сергея и Матвея Муравьевых-Апостолов, хотевших застрелиться, чтобы предупредить взятие их под стражу», но теперь «нужно было утешать и ободрять» его: он «был очень молод, и ему не хотелось умирать»¹³³. С. И. Муравьев-Апостол убеждал «его не предаваться отчаянию, а встретить смерть с твердостью, не унижая себя перед толпой, которая будет окружать его, встретить смерть как мученику за правое дело России, утомленной деспотизмом, и в последнюю минуту иметь в памяти справедливый приговор потомства»¹³⁴. По сведениям А. Е. Розена, «они все говорили о спасителе Иисусе Христе и о бессмертии души»¹³⁵. М. А. Назимов слышал, как С. И. Муравьев-Апостол «читал вслух некоторые места из пророчеств и из Нового Завета»¹³⁶. «Пред выходом из каземата» М. П. Бестужев-Рюмин «снял с груди своей образ Спасителя, несущего крест, овальный, вышитый двоюродною сестрою, оправленный в бронзовый обруч, и благословил им» тюремного «сторожа»¹³⁷.

По версии И. Д. Якушкина, М. П. Бестужев-Рюмин «насилу мог идти», и П. Н. Мысловский «вел его под руку»¹³⁸. По данным А. Я. Булгакова, это С. И. Муравьев-Апостол «так был слаб, что двое должны были вести его под руки. Известно, что он был ранен, сражаясь противу посланных для взятия его войск, после того времени хотя лечился в крепости, но оправиться не мог»¹³⁹. По свидетельству Николая I, когда С. И. Муравьева-Апостола, «тяжело раненного в голову», доставили, в январе 1826 г., в Петербург, «ослабленный от тяжелой раны и оков, он едва мог ходить»: «Когда допрос кончился, Левашов и я, мы должны были его поднять и вести под руки»¹⁴⁰. О «ране» С. И. Муравьева-Апостола, «которая еще не зажила», упоминают А. Е. Розен

и И. И. Горбачевский¹⁴¹. «Когда их привели к виселице, — передает со слов П. Н. Мысловского И. Д. Якушкин, — Сергей Муравьев просил позволения помолиться; он стал на колени и громко произнес: „Боже, спаси Россию и царя!“ Для многих такая молитва казалась непонятною, но Серг<ей> Муравьев был с глубокими христианскими убеждениями и молил за царя, как молил Иисус на кресте за врагов своих» (версия Н. И. Лорера: «Когда Муравьев стал на скамейку, то еще подозвал священника и сказал ему: „Благословите меня в последний раз, я расстаюсь с здешним миром без злобы, даже на того, который приговорил меня к этой позорной смерти... Прощаю ему, лишь бы он сделал счастливою Россию“») ¹⁴². По другим свидетельствам, эта сцена произошла после падения с виселицы: «Муравьев же, при втором исполнении экзекуции, оттолкнул руку палача, сказал: „Остановись! Я хочу в последний раз помолиться!“ Священник, бывший при них, сказывал, что молитва его была следующей: „Господи! услышь последнее моление грешника; благослови императора Николая Павловича и спаси любезную Россию, которой мы готовили погибель!“» («неизвестный очевидец»); «...даже подручные были растроганы — С. Муравьев-Апостол, сорвавшись с виселицы, весь окровавленный от ушибов при падении, бросился на колени и молился за Россию и за того, по чьему приказу он должен был умереть» (М. М. Нарышкин)¹⁴³. Факт падения С. И. Муравьева-Апостола с виселицы подтверждается всеми (кроме «присутствовавшего по службе при казни») свидетелями, оставившими мемуары.

П. И. Пестель сохранял «необыкновенную твердость духа»¹⁴⁴. «Без малейшего волнения, в готовности принять и вытерпеть все муки», он до последнего мгновения оставался равнодушным к утешениям веры. Пастор церкви Св. Анны Т. Н. Рейнбот, пришедший на Великий пост к заключенным-лютеранам для исповеди, «был с Пестелем несколько часов и вышел от него без всего: преступник и слышать не хотел о таинствах веры; он только вдавался в словопрения со своим священником и не переставал доказывать правоту своих мыслей и поступков»¹⁴⁵. Вечером

12 июля Т. Н. Рейнбот пришел в камеру П. И. Пестеля в Кронверкской куртине «приготовить его к смерти. Снова начались споры, как о догматах церкви, так и о делах политических. Пастор со слезами на глазах оставил жестокосердного, поручив его единому милосердию Божию»¹⁴⁶. По свидетельству П. Н. Мысловского, «ничто не колебало твердости» П. И. Пестеля, и он шел на казнь «с большим присутствием духа». На эшафоте он принес молитву Богу и, став на колени, сказал священнику «твердым голосом: „Отец святой! Я не принадлежу вашей церкви, но был некогда христианином и наиболее желаю быть им теперь. Я впал в заблуждение, но кому оно не свойственно? От чистого сердца прошу вас: простите меня в моих грехах и благословите меня в путь дальний и ужасный!“»¹⁴⁷ Поведение П. И. Пестеля стало достоянием молвы: «Сей последний по лютеранскому закону убеждаем был пастором к покаянию и принятию святых тайн, но все то было им с яростью отвергнуто, и он кончил жизнь как злодей необыкновенный»¹⁴⁸.

П. Г. Каховский, проявлявший «равнодушие к смерти, не покидавшее его все время», у виселицы «упал на грудь священника, плакал и обнял его так сильно, что его с трудом отняли»¹⁴⁹. Но говорили, что он «не раскаялся так искренно и не исполнил, как другие, как должно, христианского обряда. Его тоже причастили, ну, да он не от сердца это все делал, а как по приказанию»¹⁵⁰. Утром следующего дня, отпустив с иереем образ Казанской Божией Матери на очистительное молебствие, происходившее на Сенатской площади, П. Н. Мысловский служил панихиду по казненным. Е. И. Бибикова, зашедшая в Казанский собор помолиться, услышала только «имена Сергея, Павла, Михаила, Кондратия»¹⁵¹.

Версия П. В. Голенищева-Кутузова (К. Ф. Рылеев, П. Г. Каховский, С. И. Муравьев-Апостол) отразила смещение фактов в реконструкции, произведенной начальствующими лицами. Николай I в письме к императрице Марии Федоровне, написанном в Зимнем дворце по возвращении из Царского Села, во второй половине дня 13 июля, писал: «Подробности относительно казни, как ни ужасна она была, убедили всех, что столь

закоснелые существа и не заслуживали иной участи: почти никто из них не выказал раскаяния. Пятеро казненных смертью проявили значительно большее раскаяние, особенно Каховский. Последний перед смертью говорил, что молится за меня! Единственно его я жалею; да простит его Господь и да успокоит он его душу!»¹⁵² Так, П. Г. Каховский, которому приписали эпизод С. И. Муравьева-Апостола и который, нарушая существовавшую последовательность размещения осужденных на виселице, занял в донесении П. В. Голенищева-Кутузова место, в действительности принадлежащее С. И. Муравьеву-Апостолу, оказался среди сорвавшихся «при первом разе». С. И. Муравьев-Апостол, соответственно, переместился в тексте донесения генерал-губернатора на место М. П. Бестужева-Рюмина, вытеснив последнего из записи¹⁵³.

6

Иностранцы, как утверждали, не только находились среди зрителей на эспланаде крепости, но и принимали участие в исполнении смертного приговора. Еще до казни распространились слухи о том, что из заграницы привезли палачей. Д. И. Завалишин вспоминал: «Мы еще до приговора знали, что привезены палачи из Финляндии»¹⁵⁴. Об этом же сообщают В. И. Штейнгейль и Н. С. Щукин («...палач был выписан из Финляндии»), А. П. Волконская («...палачи были финны»), З. И. Лебцельтерн («...во всей России не оказалось палача, и его выписали из Швеции»)¹⁵⁵. О «палаче, нарочно выписанном из Швеции или Финляндии», упоминает А. Е. Розен¹⁵⁶. Вопрос о личности палачей «из Швеции или Финляндии» не мог не интересовать и не занимать воображение поэта. По воспоминаниям Н. А. Бестужева, «когда Рылеев напечатал „Войнаровского“ и послал Пушкину экземпляр, прося сказать о нем свое мнение», Пушкин особенно отметил стихи о палаче («Готов уж исполнитель муки; / Вот засушил он рукава, / Вот взял уже секиру в руки... / Вот покатилась

голова...»). Против строки «Вот засучил он рукава» Пушкин написал на поле: «Продай мне этот стих!»¹⁵⁷ В письме к П. А. Вяземскому в конце мая — начале июня 1825 г. он писал о поэме К. Ф. Рыльева: «У него есть какой-то там палач с засученными рукавами, за которого бы я дорого дал»¹⁵⁸. 12 октября 1826 г. в Москве, у Веневитиновых, после чтения «Бориса Годунова» Пушкин «начал рассказывать о плане для Дмитрия Самозванца» и (это запомнилось М. П. Погодину) «о палаче, который шутит с чернью, стоя у плахи на Красной площади в ожидании Шуйского»¹⁵⁹. Замысел этой сцены реализован в «Полтаве» («Средь поля роковой намост. / На нем гуляет, веселится / Палач и алчно жертвы ждет: / То в руки белые берет, / Играючи, топор тяжелый, / То шутит с чернью веселой»)¹⁶⁰.

В Петербурге к началу 1818 г. не было ни одного палача. По представлению военного генерал-губернатора М. А. Милорадовича Сенат Указом от 11 декабря 1818 г. предписал губернскому правлению определять «в звание палачей осужденных к наказанию плетьюми и ссылке на поселение за кражу выше ста рублей <...> освобождая их от присужденного им телесного наказания»¹⁶¹. До 1825 г. назначенные по новому указу Сената палачи содержались при Управе благочиния, а с сентября 1825 г. по распоряжению обер-полицмейстера А. С. Шульгина были переведены в городскую тюрьму.

Помощник квартального надзирателя вспоминал, что «привели» «двух палачей, на которых осужденные смотрели с негодованием. Видно, что им было крайне неприятно, когда до них дотрагивались палачи»¹⁶². «Присутствовавший по службе при казни» тоже помнил, что «было два палача»¹⁶³. В. Ф. Раевский из окна камеры видел, как «два человека в куртках начали накладывать петли»¹⁶⁴. Очевидцы, стоявшие на гласисе и эспланаде (А. И. Чернышев, в передаче императрицы Марии Федоровны; Н. С. Щукин, И. Шницлер), упоминают только одного палача¹⁶⁵. И это не случайно. По свидетельству петербургского обер-полицмейстера Б. Я. Княжнина, приводившего в исполнение 13 июля сентенцию над армейскими офицерами, гражданскими

чиновниками и отставными, на эшафоте виселицы произошло следующее: «...пятерых осужденных к смертной казни, одетых в белые рубашки, с капюшонами на головах, отдали в руки кату, или палачу. Однако когда он увидел людей, которых отдали в его руки, от одного взгляда которых он дрожал, чувствуя ничтожество своей службы и общее презрение, он обессилел и упал в обморок. Тогда его помощник принялся вместо него за исполнение этой обязанности. Этот помощник, бывший придворный форейтор, совершил какое-то преступление и, чтобы спасти себя от тяжелого наказания, согласился сделаться палачом. Если бы не он, то исполнение приговора должно было бы приостановиться»¹⁶⁶. «Присутствовавший по службе при казни» вспоминал: «Зрелище это <...> имело сильное влияние, архитектор Герней умер через месяц от горячки, полицмейстер Посников страдал от болезни более года и умер, он всегда говорил, что это было причиной его болезни»¹⁶⁷. По словам А. С. Гангблова, фельдшер Петропавловской крепости «дрожал всем телом», придя к нему в камеру после казни¹⁶⁸. Помощник квартального надзирателя, сопровождавший осужденных на виселицу, рассказывал Н. А. Благовещенскому: «Взглянули они в последний раз на небо, да так, братец ты мой, взглянули жалостливо, что у нас вся внутренность перевернулась и мороз продрал по коже... Страх! Так это было жутко! Ты вот не поймешь этого, что это такое было, а я рассказать не могу. Ну, как я тебе расскажу?.. Страшно, братец! ух, страшно! У нас волосы стали дыбом на голове, когда мы подошли под перекладину»¹⁶⁹.

Из очевидцев, находившихся в этот момент около виселицы, воспоминания оставили протоиерей П. Н. Мысловский, начальник кронверка В. И. Беркопф, «присутствовавший по службе при казни» и помощник квартального надзирателя. П. Н. Мысловский (его записки, изображающие «каждое из преступников лицо порознь со стороны нравственной и физической», остаются неразысканными; сохранились лишь несколько фрагментов), в любом случае, либо «упав ниц» (Н. И. Лорер), либо «отвернувшись» (И. Д. Якушкин), не мог быть свидетелем того, что

произошло на эшафоте. Помощников квартальных надзирателей 1-й Адмиралтейской части, сопровождавших осужденных на эшафот, в момент казни «свели прочь». Мемуаристу к тому же «в правый ботфорт попал камушек», и он был занят собой¹⁷⁰. Следовательно, могли видеть сообщаемое Б. Я. Княжниним происшествие, но ни словом не обмолвились о нем, В. И. Беркопф (в записи Н. А. Рамазанова) и «присутствовавший по службе при казни» (в записи неизвестного). Стоявшие по другую сторону кронверкского вала зрители заметить замешательства, случившегося на эшафоте, не могли. При наблюдении издали эшафот виселицы, как это показано в нижней записи л. 37, был практически не различим (площадка помоста сливалась с линией вала).

22 декабря 1825 г. в полицейском ведомстве столицы — Управе благочиния губернского правления было заведено дело «О содержании заплечных дел мастеров» в связи с определением «в заплечные мастера подсудимого Карелина и назначении оному равно и находящемуся уже при таковой должности из городских доходов жалования». Из документов дела устанавливается, что к моменту казни в Петербурге было два палача: Козлов и поступивший «в сие звание по собственному желанию из преступников 3 февраля 1826 г. <...> содержащийся в городской тюрьме за разные кражи ямщик» Степан Сергеев Карелин¹⁷¹. Теперь прочтем свидетельство В. И. Беркопфа, который «сам <...> научил действовать непривычных палачей, сделав им образцовую петлю», и донесение на высочайшее имя П. В. Голенищева-Кутузова: «По неопытности наших палачей и неумению устраивать виселицы при первом разе трое, и именно: Рылеев, Каховский и Муравьев сорвались, но вскоре опять были повешены и получили заслуженную смерть»¹⁷².

Итак, исполнителями смертного приговора, вынесенного Верховным судом пяти декабристам, были заплечных дел мастера, содержащиеся в петербургской городской тюрьме. Отличившийся при казни «бывший фореитор», осужденный за «кражу салопа» заплечный мастер Степан Карелин, «по надежности»

пользовался доверием тюремных властей и прослужил в своей должности до 1840 г.¹⁷³ Обессилевший и упавший в обморок Козлов, единственный штатный палач в Петербурге в 1818–1825 гг. (его словесный портрет оставил Н. Р. Цебриков¹⁷⁴), «по старости» вскоре был отставлен от дел, и на его место в декабре 1827 г. был определен Г. Песси, финляндский уроженец, судившийся за кражу шубы¹⁷⁵.

7

По словам В. И. Беркопфа, осужденные к смерти в момент казни были «обременены» ножными кандалами¹⁷⁶. Это подтверждает «присутствовавший по службе при казни»: «...на ногах были тяжелые цепи»¹⁷⁷. Помощник квартального надзирателя на вопрос Н. А. Благовеценского: «На них не было кандалов?» — отвечал: «Нет. Никаких кандалов не было. Я как теперь вот на них смотрю. Только ремни. Ремнями были связаны и руки и ноги»¹⁷⁸. По словам И. Д. Якушкина, осужденные к смерти были закованы в «железы» 12 июля, по объявлении им приговора¹⁷⁹. По свидетельству Н. Р. Цебрикова, «в восемь часов (пополудни — Г. Н.) им принесли цепи, грустно со стуком прозвеневшие»¹⁸⁰. «Прошло несколько времени», когда Е. П. Оболенский услышал звук цепей: «Я бросился к окошку; начинало светать; вижу взвод павловских гренадер и знакомого мне поручика Польшмана; вижу всех пятерых, окруженных гренадерами с примкнутыми штыками»¹⁸¹. Еще до рассвета, в два часа ночи, взвод л.-гв. Павловского полка под командой капитана В. П. Польшмана вывел закованных в «железы» смертников из казематов Кронверкской куртины и препроводил их в кронверк, к месту исполнения приговора.

По словам Н. С. Щукина, «плотники» начали «ставить» виселицу «часа в три»¹⁸². И. Шницлер вспоминал, что ее стали возводить «с двух часов утра»¹⁸³. Практически все декабристы, оставившие мемуары, свидетельствуют, что во время обряда разжалования на вале мостового укрепления уже стояла «виселица

с пятью петлями». Исключение составляет С. П. Трубецкой: «Мы заметили столбы на валу одного бастиона кронверка. Это была виселица, но которая не имела еще перекладки»¹⁸⁴. По рассказу помощника квартального надзирателя, когда осужденных подвели к валу, на эспланаде происходила политическая казнь: «...нам все это было видно». На вопрос Н. А. Благовещенского, не из-за виселицы ли задержалась смертная казнь, он отвечал: «Виселица-то была готова, за нею дело не стало, а сперва исполняли приговор над остальными»¹⁸⁵. Противоречие в показаниях разъясняется свидетельством «присутствовавшего по службе при казни», вспоминавшего, что приведенные в кронверк осужденные на «месте казни оставались самое короткое время. Так как эшафот не мог быть готов скоро, то их развели в кронверк по разным комнатам, и когда эшафот был готов, то они опять были выведены из комнат при содействии священника»¹⁸⁶.

Факт разведения смертников по «комнатам» отмечен в рассказе «самовидца» («...поместили порознь в конторе верфи и двух близ нее стоящих домиках»), в воспоминаниях Н. В. Басаргина («...их поместили на время в каком-то пороховом здании»), И. И. Горбачевского («содержались» в «комнате, которая была сделана в валу»)¹⁸⁷ и подтверждается показаниями В. Ф. Раевского: «В пристройке кронверкской куртины был дом, принадлежащий бывшему коменданту Сафонову. Чуть свет я услышал необыкновенный стук вдали. Окно мое было прямо против дома». «Дом», по словам В. Ф. Раевского, находился «шагах во 100» (слева) от «крепостного укрепления», на котором возводилась виселица¹⁸⁸. Воспроизведенные мемуаристом реалии свидетельствуют, что речь идет о фланке тет-де-пона, небольшом прямолинейном участке крепостной стены кронверка, составлявшем с валом мостового укрепления угол, близкий к прямому, и казавшемся из окна его камеры «пристройкой».

«Тусклое окно мешало сначала видеть хорошо», но с рассветом («часа в 4 утра») В. Ф. Раевский «увидел очень ясно»: «Рота Павловского гвардейского полка вошла в ворота и стала лицом

к дому. Через несколько минут въехали несколько дрожек. На одних был протопоп Казанского собора, на других пастор. Они вошли в дом. У дверей дома стояло 6 человек. <...> Через полчаса из этого дома вышли один за одним 5 человек, осужденных на смерть. Они шли один после другого под конвоем с обеих сторон солдат Павловского полка»¹⁸⁹. Факт нахождения священников в «доме» не подтверждается: П. Н. Мысловский не упоминает о своем и лютеранского пастора визите туда; помощник квартального надзирателя, рассказывая о вышедшей из «дома» в половине пятого утра процессии (осужденные к смерти, полицейские чины, взвод л.-гв. Павловского полка, заплечных дел мастера, полицмейстер М. Ф. Чихачев), не называет духовных лиц¹⁹⁰. По В. Ф. Раевскому, «осужденные на смерть» вышли из «дома» в половине пятого. Это время указывает и П. Н. Мысловский. По его словам, П. И. Пестель, «в половине пятого часа, идя на казнь и увидя виселицу, с большим присутствием духа произнес следующие слова: „Ужели мы не заслужили лучшей смерти? кажется, мы никогда не отвращали чела своего ни от пуль, ни от ядер. Можно было бы нас и расстрелять!“»¹⁹¹ Следовательно, в половине пятого смертники уже подходили к месту казни. Виселица к этому времени была готова, но обряд разжалования на эспланаде еще не окончился.

Перед ритуалом политической казни заключенных вывели из казематов и поместили в каре, выстроенном на плацу крепости, в четыре шеренги, ротой л.-гв. Павловского полка. По словам М. А. Бестужева, их «собрали в общий двор» «немного спустя после полуночи, в потемках»¹⁹². С. П. Трубецкой писал, что их «вывели» на плац, «когда рассвело»¹⁹³. И. И. Горбачевский уточнял: вызвали в каре «через час» после того, как увели смертников¹⁹⁴, т. е. около трех часов утра. Свидетельство И. И. Горбачевского подтверждает В. И. Штейнгейль: «В 3 часа осужденных вывели на экзекуцию»¹⁹⁵. Указанное И. И. Горбачевским и В. И. Штейнгейлем время подтверждается дневниковой записью императрицы Марии Федоровны (со слов А. И. Чернышева): «В три часа утра их вывели из тюрьмы...»¹⁹⁶.

А. Е. Розен вспоминал: «В этом каре стояли мы с лишком полчаса»¹⁹⁷. Следовательно, политическая казнь началась между половиной и без четверти четырех и продолжалась, по свидетельству А. Е. Розена, «с лишком час», по словам О. А. Пржецлавского, «более часа»¹⁹⁸, т. е. до половины — без четверти пяти. Расчет времени совпадает с показаниями должностных лиц о часе совершения смертной казни. По словам П. Н. Мысловского, смертников повели на казнь «в половине пятого»¹⁹⁹. Императрица Мария Федоровна записала со слов А. И. Чернышева: «Все это продолжалось почти до пяти часов»²⁰⁰. Это свидетельство подтверждают «присутствовавший по службе при казни» («...казнь совершилась в 5 часов утра»), «неизвестный очевидец» («...в пять часов утра все исполнилось») и И. Шницлер («...это было в исходе пятого часа»)²⁰¹. Между первым и повторным повешением, сообщает очевидец, ставший корреспондентом французских газет, прошло «четверть часа жестоких страданий»²⁰². Следовательно, переход осужденных из «дома» к месту казни, ожидание завершения обряда разжалования на эспланаде, чтение приговора, конвоирование на эшафот заняли около четверти часа.

Итак, пятеро декабристов в сопровождении конвоя л.-гв. Павловского полка под начальством капитана В. П. Польшмана вышли из крепости, перешли по мосту через кронверкский пролив, потом, по мосту, через наружный ров, наполненный водой, вошли в кронверк. «Преступники шли в оковах, Каховский шел вперед один, за ним Бестужев под руку с Муравьевым, потом Пестель с Рылеевым под руку же и говорили между собою по-французски, но разговора нельзя было слышать»²⁰³. «В воротах, через высокий порог калитки, с большим трудом переступали ноги преступников, обремененных тяжкими кандалами»²⁰⁴. «Проходя мимо строящегося эшафота, в близком расстоянии, хоть было еще темно, слышно было, что Пестель, смотря на эшафот, сказал: „C'est trop (Это слишком)“»²⁰⁵. Осужденных препроводили во внутреннее помещение фланка тет-де-пона и «развели» «по разным комнатам». набросок фланка тет-де-пона («пристройки кронверкской

куртины», по версии В. Ф. Раевского), оставшийся незавершенным, читается на втором плане нижней графической записи л. 37: обозначены крепостные стены кронверка — две контурные линии, идущие соответственно под углом и параллельно валу тет-де-пона.

Вспоминая о том, как взвод «павловских гренадеров» капитана В. П. Польшана на рассвете уводил из казематов смертников, Е. П. Оболенский заметил: «И нам сказано было выходить. И нас повели те же гренадеры»²⁰⁶. Это подтверждает и А. Е. Розен. По его словам, начальником построенного на крепостном плацу каре, в которое помещали декабристов, был тот же капитан В. П. Польшан²⁰⁷. Следовательно, отконвоировав смертников во внутреннее помещение фланка тет-де-пона и поставив караул («...у дверей дома стояло 6 человек»), В. П. Польшан возвратился на крепостной плац и начальствовал над каре павловских солдат. Сопроводив осужденных на политическую казнь, В. П. Польшан с ротой, составлявшей каре на крепостном плацу, вновь вошел в кронверк через восточные ворота (в записи на нижнем поле л. 37 они показаны открытыми). Этот момент отмечен В. Ф. Раевским: «Рота Павловского гренадерского полка вошла в ворота и стала лицом к дому»²⁰⁸. По версии А. Е. Розена, когда на эспланаде начали обряд разжалования, т. е. в половине четвертого, смертники были препровождены (из «комнат», расположенных во фланке тет-де-пона) «в саванах и в кандалах в крепостную церковь, где они еще при жизни слушали свое погребальное отпевание. Когда мы уже возвратились с гласиса в крепость, то их шествие из церкви потянулось к кронверкскому валу»²⁰⁹. Посещение смертниками церкви, первоначально предусмотренное (казнь была назначена на четыре утра, «так чтобы от 3 до 4 часов могла кончиться обедня и их можно было бы причастить»²¹⁰), не подтверждается источниками, равно как, разумеется, и их прижизненное погребальное отпевание, противоречащее догматике церковной обрядности.

В «доме», вспоминал помощник квартального надзирателя, «отворились двери казематов и позвали преступников.

Крикнули: пожалуйста, господа!»²¹¹ Их повели в следующем порядке: впереди шел капитан В. П. Польшман, «в ряд» — пятеро полицейских (квартирных поручиков) «с обнаженными шпагами», за ними «шли в ряд» преступники, позади «двенадцать павловских солдат и два палача». «Шел в стороне и наблюдал за процессией» полицмейстер М. Ф. Чихачев²¹². «Возвратившись с аутодафе мундиров и ломания шпаг», Н. Р. Цебриков подошел к окну своей камеры № 11 в Кронверкской куртине и «из крайнего правого стекла» видел, как «взвод, построенный в каре», вел смертников²¹³. Из окна камеры № 2 смотрел В. Ф. Раевский: «Все они были одеты в белых длинных саванах. У каждого на груди была повешена черная доска с надписью: преступник такой-то»²¹⁴. Виселица была «шагах во 100»²¹⁵. Шли по направлению к воротам, срезая угол, образованный фланком и валом тет-де-пона. «Двигались медленно, едва переступая, потому что преступники со связанными ногами не могли почти идти»²¹⁶. Когда подошли к месту казни, пришлось ждать: обряд разжалования еще не закончился. Они «сидели все время на траве», вблизи вала, «и тихо между собой разговаривали»²¹⁷. Декабристы, находясь на эспланаде и возвращаясь в крепость после политической казни, видеть их не могли. А. Е. Розен вспоминал: «Когда нас повели обратно, то на кронверкском валу виселица еще ждала обреченных жертв, — там еще никого не было»²¹⁸.

По плану, начертанному Николаем I в собственноручной записке-конфиркации штатного воинского регламента казни, воспроизведенному в конспективном наброске И. И. Дибича к проекту приказа по Гвардейскому корпусу от 12 июля 1826 г., приговоренные к каторге и ссылке два раза, проходя на политическую казнь через кронверк и так же, через кронверк, возвращаясь в крепость, проходили мимо установленной на валу виселицы. Регламент был разработан в соответствии с Указом 29 марта 1753 г., законодательно установившем «смерть политическую взамен натуральной»: преступников, к ней осужденных, велено было возводить на эшафот, класть на плаху или подводить под виселицу, а потом, по силе приговора, или наказывать кнутом, или без наказания ссылать на

каторгу²¹⁹. Сохранившаяся в архиве В. В. Стасова копия утраченного белого автографа записки-конфирмации Николая I (экземпляр П. В. Голенищева-Кутузова), в отличие от толстовской (Л. Н. Толстой переписал присланный ему в 1878 г. В. В. Стасовым документ не точно)²²⁰, восстанавливает аутентичный текст подлинника, ранее известный в редакции черновой наброска И. И. Дибича²²¹.

Впоследствии план был изменен. По новому порядку, осужденные к политической смерти выходили на эспланаду прямо из крепости, минуя кронверк и не приближаясь к валу, и тем же путем возвращались обратно. Аналогичное изменение было сделано и в приказе по Гвардейскому корпусу от 12 июля 1826 г., войска которого, как вначале предполагалось, после исполнения смертного приговора заходили «по отделениям направо» и проходили «мимо» виселицы²²². В последний момент был принят первоначальный вариант воинского регламента экзекуции. По словам Е. А. Головина, командовавшего 13 июля сводным кирасирским эскадроном, «около полуночи всех бригад<ных> начальников потребовали в Главный штаб; перед светом приехал Дибич из Царского Села от императора и передал государево приказание: чтобы по окончании экзекуции всех войск провели мимо повешенных, равно как и осуж<д>енных тоже провести мимо висельницы». Последнее исполнено не было, потому, полагал передавший это свидетельство В. С. Толстой, «что все начальствующи<е> и даже сам Чернышев, видимо, потеряли голову»²²³. Причина была иной. Отданный приказ «провести мимо висельницы», воспринятый выведенными на крепостную эспланаду осужденными как намерение сделать их свидетелями и соучастниками смертной казни, вызвал протест, раздался призыв к вооруженному сопротивлению: «Arrachons les fusils aux soldats, et jetons-nous en avant (Выведем оружия у солдат и бросимся в атаку)». Множество голосов отвечало: “Oui, oui, faisons-ça, faisons-ça (Да, да, сделаем это, сделаем это)”». А. И. Чернышев «и при нем находившиеся, услышав это, вдруг большое каре повернули и командовали идти в крепость»²²⁴.

Когда политическая казнь завершилась и 97 заключенных возвратились в крепостные казематы²²⁵, приступили к исполнению смертного приговора. М. Ф. Чихачев прочитал сентенцию Верховного уголовного суда. Подошел П. Н. Мысловский, «говорил с ними и давал целовать крест»²²⁶. Приговоренные к смерти «расцеловались друг с другом, как братья», и «все пожали друг другу руки»²²⁷. «Потом, — свидетельствует помощник квартального надзирателя, — на них надели этикие мешки, которыми они были закрыты от головы до пояса. На шею им на веревках надели аспидные доски с именами и виною их. <...> Опять построились в рядок для шествия на эшафот под виселицу. <...> Пошли <...> медленно <...>. Солдаты осужденных сзади натискивали, чтобы они знали, куда идти». Поднялись на эшафот, затем по отлогому «откосу» на помост, возвышавшийся под перекладной, и «стали на место»²²⁸. Столбы виселицы «недостаточно глубоко были врыты в землю», веревки оказались «коротки и не доходили до шей». Из находившегося вблизи полуразрушенного здания Училища торгового мореплавания принесли «школьные скамьи» и поставили на помост, на них были «встщены» осужденные²²⁹. Перед самым эшафотом «палачи им стянули руки покрепче. Один конец ремня шел спереди тела, другой сзади, так, что они рук поднять не могли»²³⁰. Ноги были стянуты ремнями. Императрица Мария Федоровна записала в дневнике со слов А. И. Чернышева: «Когда роковую доску выдернули из-под них, веревка оборвалась, и они со связанными руками и ногами упали, как мешки»²³¹.

Итак, показания очевидцев о способе фиксирования ног осужденных (кандалы — ремни) отражают разные эпизоды: свидетельства В. И. Беркопфа и «присутствовавшего по службе при казни», утверждавших, что смертники были в «оковах», относятся к их конвоированию из крепостных казематов в кронверк, а рассказ помощника квартального надзирателя, отрицавшего наличие у осужденных кандалов, — от фланка тет-де-пона к месту казни. Их расковали, очевидно, при облачении в особую «смертническую» одежду. Это могло произойти в «комнатах», где осужденные находились перед исполнением приговора. Когда туда

прибыл конвой л.-гв. Павловского полка, вспоминает помощник квартального надзирателя, и «позвали преступников», «они были уже готовы и вышли в коридор. Руки и ноги их были связаны так, что руки были опущены вдоль туловища, а ногами они могли делать самые маленькие шаги»²³². Показание В. Ф. Раевского о том, что при исполнении приговора «осужденные были в ножных кандалах, им очень трудно было встать на скамейку»²³³, в расчет приниматься не может — по условиям наблюдения, из окна камеры в Кронверкской куртине отличить кандалы от ремней, стягивающих ноги, было трудно.

По версии «самовидца», облачение было произведено, когда осужденных привели в кронверк: «Бестужев-Рюмин и Рылеев вышли в черных фраках и фуражках, с обритою бородой и очень опрятно одетые. Пестель и Муравьев-Апостол — в мундирных сюртуках и форменных фуражках, но Каховский, с вкшоченными волосами и небритою бородой, казалось, менее всех имел спокойствия духа. На ногах их были кандалы, которые они поддерживали, продевши сквозь носовой белый платок»²³⁴. Встреча с осужденными вблизи строящейся виселицы запечатлелась в памяти В. И. Беркофа настолько сильно и глубоко, что впоследствии он утверждал, что смертники и в момент казни были «в мундирных сюртуках и рубашках»²³⁵.

«Когда они собрались, — рассказывает „самовидец“, — приказано было снять с них верхнюю одежду, которую тут же сожгли на костре, и дали им длинные белые рубахи, которые, надев, привязали четырехугольные кожаные нагрудники, на которых белую краскою написано было — „преступник Кондрат Рылеев“, на втором „преступник Сергей Муравьев“, и так далее»²³⁶. Свидетельство не подтверждается. Сожженная «верхняя одежда» значится в «Описи вещам, оставшимся после убылых из Санкт-Петербургской крепости арестантов»: «шинель форменная» и два мундира (П. И. Пестель), «фрак черного сукна» (К. Ф. Рылеев), «сюртук форменный» (С. И. Муравьев-Апостол), «шинель форменная» (М. П. Бестужев-Рюмин), «фрак черный суконный» (П. Г. Каховский)²³⁷. Рассказ «самовидца» является результатом

фабульного замещения, восполняющего в сюжете «сожжение верхней одежды на эспланаде во время разжалования — появление осужденных на эшафоте виселицы в “смертническом” наряде» недостающий эпизод облачения (переодевания).

8

Осталось уточнить детали «смертнической» одежды осужденных. Приведем основные варианты ее описания: «белый колпак», «...на груди у них была черная кожа, на которой было написано мелом имя преступника», «белые халаты» («присутствовавший по службе при казни»); «...мешки, которыми они были закрыты от головы до пояса», «...на шеи им на веревках надели аспидные доски с именами и виною их» (помощник квартального надзирателя); «белые длинные саваны», «...на груди была повешена черная доска с надписью: преступник такой-то» (В. Ф. Раевский); «белые рубашки, с капюшонами на головах» (Б. Я. Княжнин); «...длинные белые рубахи, которые, надев, привязали четырехугольные кожаные нагрудники, на которых белою краскою написано было — „преступник Кондрат Рылеев”, на второй — „преступник Сергей Муравьев” и так далее» («самовидец»); «белые саваны», «...на груди у каждого пришита была черная четверугольная клеенка» («неизвестный очевидец»); «белая одежда с черными нагрудниками», «колпаки» (В. А. Половцов); «...в белых саванах, с черными завязками, опоясанные кожаными поясами, на коих большими буквами написано было *государственный преступник*» (Н. И. Лорер)²³⁸. Таким образом, «смертнический» наряд представлял собою длинную белую одежду (саван-рубаха-халат), такого же цвета колпаки (мешки-капюшоны), закрывавшие головы, и черные «нагрудники» с написанными мелом (белой краской) именами осужденных (аспидные доски — кожаные (клеенчатые) нашивки).

В записи л. 37 Третьей масонской тетради повешенные показаны без кандалов, но не со связанными руками и ногами и без «смертнической» одежды. Эти детали ритуала изображены в черновой рукописи «Полтавы» (ПД № 838). Рисунки (датируемые

предположительно по тексту стихов, с которыми непосредственной связи не имеют, августом—сентябром 1828 г.) упомянуты в обзоре В. Е. Якушкина (1884 г.) и, незамеченные в свое время С. А. Венгеровым, впервые воспроизведены Н. О. Лернером (1912 г.)²³⁹. Изображения расположены на полях трех листов рукописи. На одном листе, наверху, — две фигуры повешенных (одна, большей величины, как бы приближена к зрителю, другая, меньшая, несколько удалена), ниже — рисунок виселицы с пятью повешенными, в самом низу — еще один рисунок виселицы, меньшего размера. На другом — отдельная фигура повешенного и на третьем — перекладина виселицы и на ней расположенные по перспективе трое повешенных.

Две фигуры повешенных (л. 39 об.) показаны со спины, в длинных, ниже колен, балахонах, напоминающих запахнутые халаты с рукавами. На одной фигуре балахон шире, на другой — уже, слегка притален. Руки повешенных туго связаны за спиной, ноги связаны по-разному: у одного сильно стянуты «нога к ноге», у другого ремни на ногах гораздо свободнее. На головах широкие, доходящие до плеч колпаки типа капюшона (Б. Я. Княжнин: «белые рубашки, с капюшонами на головах»; И. Шницлер: «серые халаты с капюшонами, которые закрывали им головы»²⁴⁰). У одного повешенного петля на шее находится под колпаком, у другого — наложена поверх колпака, обтягивая его по голове на манер платка.

Версия «петли под колпаками» сообщается очевидцами из числа должностных лиц, стоявших вблизи виселицы: «...надевали петлю сперва, а потом белый колпак» («присутствовавший по службе при казни»); «...на них надеты петли, а колпаки, бывшие на их головах, стянуты на лица» (В. И. Беркопф); и «самовидцем» (его местонахождение в момент казни неизвестно): «...наложили петли на их шеи, надвинули колпаки на глаза»²⁴¹. Версия «петли поверх колпаков» излагается очевидцами из числа должностных лиц и зрителей, находившихся вдали от кронверкского вала: «...на глаза им спустили белые колпаки и роковую веревку надели на шеи» (А. Х. Бенкендорф); «...плохо затянутые веревки

соскользнули по капюшонам», т. е. веревка шла по верху колпаков (И. Шницлер)²⁴². Пушкин записал оба способа наложения веревочной петли, его источниками были как непосредственные участники казни, так и очевидцы-зрители. Поэтому, в частности, колпаки в рисунке разного цвета: один белый, по показаниям очевидцев, находившихся возле виселицы, и другой зачерненный («серый»), каким он виделся зрителям.

Ниже рисунка двоих повешенных изображена сцена казни. Виселица и эшафот обрисованы жирными линиями, подчеркивающими массивность сооружения и как бы обрамляющими картину. Прорисовка фигур казненных схожа с изображениями в реконструкции на л. 37 Третьей масонской тетради (в частности, так же воспроизведено состояние движения трех фигур посередине), только одна из фигур отличается большей громоздкостью, а ноги другой (крайней слева) доведены до линии эшафота. Последнее — графическое отражение факта, происшедшего, по свидетельству «присутствовавшего по службе при казни», во время повторного повешения: «Когда доска опять была поднята, то веревка Пестеля (висевшего крайним слева, при наблюдении с внешней стороны вала. — Г. Н.) так была длинна, что он носками доставал до помосту, что должно было продлить его мучение, и заметно было некоторое время, что он еще жив»²⁴³. По версии помощника квартального надзирателя, П. И. Пестель и П. Г. Каховский «достали» ногами до «помоста», «когда помост был поднят» и прикрепляли к перекладине новые веревки: «Пестель был еще в это время жив и, кажется, начал немного отдыхать»²⁴⁴. Есть и другие отличия: фигуры повешенных показаны в темной, зачерненной одежде, видны лишь очертания тел, руки прижаты к туловищу, только у одной, «громоздкой», фигуры несколько выдвинуты локти. Однако запись не содержит детали, воспроизведенной в верхнем изображении повешенных: ноги нарисованы несвязанными. Объяснением может быть одновременность рисунков (линия ноги одной из верхних фигур идет поверх контура виселицы).

Реконструкция заполнения листа рисунками выглядит так: первым был сделан рисунок виселицы (стихи обходят рисунок,

но последующая правка идет по нему), позднее на верхнем поле были выполнены фигуры двоих повешенных. Одновременно с рисунком виселицы на нижнем поле появился оставшийся неразработанным набросок небольшого размера (стихотворный текст обходит рисунок, не задевая его), повторяющий, без прорисовки подробностей, композиционную формулу изображений казни, но с деталями «привязки» к месту (видны очертания вала тет-де-пона, наружного рва кронверка). Линии, идущие под углом к контуру восточных ворот и перечеркивающие их, не имеющие убедительного чтения, могут свидетельствовать о незавершенности текста.

Отдельно изображенная фигура повешенного (л. 40) показана спереди, с головой, похожей на череп, со связанными руками и ногами, во фрачном костюме (ср.: «фрак черного сукна» К. Ф. Рылева, «фрак черный суконный» П. Г. Каховского). Под ногами повешенного проведена длинная продольная черта — линия эшафота. Рисовальщик обдумывал смысл «смертнической» одежды и пытался представить, как выглядели бы осужденные без нее. Картина получалась иная. Балахоны и колпаки были страшнее, они обезличивали осужденных, становились символом неотвратимости приговора и обреченности его жертв.

В изображении троих повешенных (л. 44 об.) дан вид казненных спереди. Вначале автор хотел показать повешенных фронтально, в одной плоскости, выполнил эскизный набросок перекладки и нарисовал висящую на ней фигуру (третья справа), потом изменил замысел и разместил повешенных по перспективе. Первая фигура слева — в широком, до пят балахоне, второй и третий повешенные — в более узких, обтягивающих тело одеждах. Руки у всех стянуты назад, за спину, у второго повешенного ремни, связывающие руки, изображены в несколько рядов идущими поперек тела, по поясу (помощник квартального надзирателя: «Один конец ремня шел спереди тела, другой сзади, так что рук поднимать не могли»²⁴⁵). Ноги связаны: у третьей фигуры они не стянуты, как у остальных, а изображены свободно висящими. На груди первого повешенного показана зачерненная

доска с оставленными в центре белыми пятнами («...аспидные доски с именами и виною их»). Веревочные петли у всех троих крепятся захлест через перекладину (как у сорвавшихся и повешенных во второй раз).

Форма балахона на рисунках (халат с рукавами) представляет более точной, нежели та, которая описывается в приведенных свидетельствах (рубаха-саван), так же как и положение связанных рук — поверх балахона (халата) и за спиной, а не «вдоль туловища», как свидетельствует помощник квартального надзирателя²⁴⁶. «Самовидец» вспоминал: «...руки их связали назад»²⁴⁷. По сообщению И. И. Горбачевского и М. А. Бестужева (со слов поручика Волкова), «руки были связаны назад», и осужденные, «оборачиваясь задом, потому что руки были связаны, пожали друг другу руки»²⁴⁸. Н. А. Бестужев (со слов П. Н. Мысловского) писал о последних минутах смертников: «Они все пятеро поцеловались, обротились так, чтоб можно было пожать им связанным друг другу руки»²⁴⁹. Эти сообщения косвенно подтверждают И. Д. Якушкин (со слов П. Н. Мысловского): «На них надели белые рубашки, колпаки на лицо и завязали им руки. Сергей Муравьев и Пестель нашли и после этого возможность еще раз пожать друг другу руки» и инженер-поручик В. А. Половцов (находившийся среди зрителей на эспланаде): «...двое предпоследних, М<уравьев> и Б<естужев-Рюмин>, прощались между собой несколько раз»²⁵⁰.

В «оренбургских» материалах к «Истории Пугачева», сделанных в сентябре 1833 г., есть документальная запись о пленении Е. И. Пугачева (8 сентября 1774 г.), объясняющая значение различного положения связанных рук: «Когда казаки решились выдать Пугачева, то он подозвал Творогова, велел ему связать себе руки, но не назад, а вперед. Разве я разбойник, говорил Пугачев»²⁵¹. Рассказ об обстоятельствах ареста Е. И. Пугачева, раскрывающий смысл графически воспроизведенной в черновом автографе «Полтавы» детали ритуала смертной казни декабристов, вошел в «Историю Пугачева»: «Я давно видел вашу измену, сказал Пугачев, и, подозревая своего любимца, илецкого казака Творогова, протянул ему свои руки и сказал: вяжи! Творогов хотел скрутить

ему локти назад. Пугачев не дался. *Разве я разбойник?* говорил он гневно»²⁵². Изображения на полях рукописи «Полтавы» (вид повешенных сзади, спереди, сбоку, воспроизведение способа фиксации ног осужденных, положения связанных рук, деталей ритуальной одежды, вариантов наложения веревочных петель) восполнили недостающую в нижнем рисунке л. 37 Третьей масонской тетради документальную информацию о казни.

Графические записи поэта, синтезировавшие преимущественно не дошедшие до нас рассказы очевидцев, сведенные воедино с сохранившимися источниками, дают полный свод свидетельских показаний об «историческом дне» 13 июля 1826 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ *Пушкин [А. С.]* Полное собрание сочинений [: В 17 т.] М.; Л., 1937. Т. 13. С. 259.
- ² *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 126.
- ³ См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 1. С. 450.

ГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ

- ¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы российского Министерства иностранных дел. М., 1985. Т. 6. С. 793.
- ² Остафьевский архив кн. Вяземских. СПб., 1913. Т. 5. Вып. 2. С. 52 (письмо П. А. Вяземского к В. Ф. Вяземской от 17 июля 1826 г.).
- ³ См.: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. [М.; Л.,] 1935. С. 307–308; *Цявловская Т. Г.* Отклики на судьбы декабристов в творчестве Пушкина // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 199–201.
- ⁴ [*Барсуков Н. П.*] Князь Вяземский и Пушкин // Старина и новизна. 1904. Кн. 8. С. 39, курсив П. А. Вяземского.
- ⁵ Доставка почты из Петербурга и Москвы в Михайловское занимала около недели. Из Петербурга почта отправлялась в Псковскую губернию в среду и субботу, из Москвы — по понедельникам и четвергам. «Московские ведомости» выходили в среду и субботу, «Санкт-Петербургские ведомости» — во вторник и пятницу, «Journal de Saint-Petersbourg» и «Северная пчела» — во вторник, четверг и субботу, «Русский инвалид» — ежедневно.
- ⁶ *Пушкин [А. С.]* Полное собрание сочинений [: В 17 т.] М.; Л., 1937. Т. 13. С. 291.
- ⁷ Описание листа впервые дал В. Е. Якушкин: «Нарисованы: вал и ворота, на валу виселица и на ней пять повешенных, сбоку начата фраза „И я бы мог, как тут на...” Внизу страницы опять повторен тот же рисунок, а посреди страницы снова начата фраза „И я бы мог...” Рисунок эти относятся к 1826 г. и напоминают смерть Рыльева, Пестеля, С. Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и Каховского. В записке „О народном воспитании” Пушкин высказывает надежду, что братья, друзья, товарищи погибших

успокоятся временем и размышлением. Он сам еще не был в это время успокоен. Обласканный царем, восторженно встреченный москвичами, он продолжал думать о погибших братьях, и не только о живых, но и мертвых. Таким образом, рисунок на этой странице и надпись показывают нам, что сказанное им в письме к князю Вяземскому „повешенные повешены, но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна” было не вполне искренно, что Пушкин, повторяя, думал и о мертвых братьях, мысленно присоединяя себя к их судьбе» (*Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве // *Русская старина.* 1884. № 6. С. 550). Фототипическое воспроизведение листа опубликовал С. А. Венгеров, сопроводив публикацию заметкой, в которой выразил сомнение в правильности прочтения В. Е. Якушкиным фразы «И я бы мог, как тут на...» С. А. Венгеров прочел строку иначе: «И я бы мог, как шут на...» Вопрос ее прочтения, по его мнению, мог «быть решен и чисто литературным путем»: «Нам представляется, что чтение „тут”, если в него вдуматься по существу, есть просто недоразумение. Как, в самом деле, могло даже в наброске литературного произведения, притом, по всей вероятности, стихотворения, появиться такое совершенно инородное тело, как механическое указание на рисунок? Всякий поэт дает самостоятельный образ, сам по себе рисующий картину, и кто же ссылается на приложенный рисунок? Подпись к картинке, что ли, сочинял Пушкин?» Полагая, однако, что новое чтение может создать «впечатление, что Пушкин обозвал декабристов шутами», С. А. Венгеров писал: «Если и читать „шут”, то никаких выводов о пренебрежительном отношении Пушкина к декабристам из этого делать не следует. <...> Повешение недаром считается казнью позорною. Сложить голову на плахе — тут есть нечто героически-красивое, а повешенный именно болтается, как шут» (*Венгеров С. А.* По поводу рисунка Пушкина на листе 38 тетради № 2368 // Пушкин [А. С. Сочинения: В 6 т.] СПб., 1908. Т. 2. С. 529–530, курсив С. А. Венгерова). В. Ф. Боцяновский считал, что рисунки виселицы и стихотворная строка появились в одну из «тяжелых» минут раздумья А. С. Пушкина «о самом себе»: «Думая об этой казни, которой он не подвергся только случайно, нервно набрасывая ее на бумаге, Пушкин, естественно, говорит о себе: „и я бы мог...” висеть так же, как они... Но не совсем так... Они висели, как герои, бившиеся, выступившие в защиту знамени свободы... А он, стоявший в стороне от этого движения, но, вовлеченный в мятежный водоворот случайно, висел бы среди них, как шут, быть может, даже умалял их подвиг своим соседством...» (*Боцяновский В. Ф.* Пушкин и декабристы // *Вестник литературы.* 1921. № 2. С. 8–9). Мнение В. Ф. Боцяновского поддержал Н. О. Лернер. Он полагал, что л. 37 отразил подчеркнутый самим А. С. Пушкиным факт совпадения даты восстания на Сенатской площади и даты завершения поэмы «Граф Нулин»: «Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. Гр. Нулин писал <?> 13 и 14 дек<абря>. — Бывают странные сближения» (*Пушкин [А. С.] Пол-*

ное собрание сочинений [: В 17 т.] М.; Л., 1949. Т. 11. С. 188). «13 декабря 1825 года, — писал Н. О. Лернер, — когда бойцы готовились к открытому выступлению, и 14 декабря, когда на улицах столицы лилась кровь, Пушкин перелагал в веселые стихи пикантный анекдот и забавлялся пародией. Они вышли умирать, а он шутил. И в приписке к рисункам, изображающим их виселицу, он строго осудил себя за шутовство» (*Лернер Н. О. Пушкин о казненных декабристах // Книга и революция. 1921. № 1. С. 80–81*). Интерпретация В. Ф. Боцяновского — Н. О. Лернера вызвала возражение Д. Д. Благого, который, развивая наблюдения С. А. Венгерова, видел в словесной записи отражение «раздумий» поэта над «самим обрядом повешения», над тем «шутовским», что было в смерти пяти декабристов, и при этом подчеркивал, что слово «шут» употреблено А. С. Пушкиным в данном случае как социально позорящее, унижительное для достоинства дворянина (см.: *Благой Д. Д. Социология творчества Пушкина. 2-е изд. М., 1931. С. 287*). А. М. Эфрос предпринял попытку интерпретировать строку, основываясь на версии о намерении А. С. Пушкина выехать из Михайловского в Петербург накануне восстания по вызову, о котором упоминалось в не дошедшем до нас письме И. И. Пущина, отправленном из Москвы в конце ноября — начале декабря 1825 г.: после свидания с И. И. Пущиным в Михайловском 11 января 1825 г. А. С. Пушкин «был, по-видимому, как бы на положении посвященного, сочувствующего, который был связан с заговором пока лишь нравственными обязательствами, но который должен был доказать, что достоин доверия», оказанного ему тайным обществом в лице И. И. Пущина, «когда придет время действовать» (*Эфрос А. М. Декабристы в рисунках Пушкина // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16–18. С. 935*). Однако поездка в Петербург не состоялась: А. С. Пушкин, тайно выехавший из Михайловского за несколько дней до восстания, вернулся с дороги, смущенный плохими приметам, и тем самым, как полагал А. М. Эфрос, не выполнил взятых на себя в январе 1825 г. обязательств перед тайным обществом. Это обстоятельство, по мнению исследователя, и объясняет начальные слова пушкинской записи «И я бы мог...» А. М. Эфрос предположил, «что смысл „шута“ должен заключать в себе что-то вроде сравнения предсмертных конвульсий в веревочной петле при позорной казни с вынужденным и унижительным кривляньем шута на канате перед базарной площадью» (*Эфрос А. М. Рисунки поэта. 2-е изд. [М.; Л.,] 1933. С. 360*). Истолкование строки А. С. Пушкина, предложенное В. Ф. Боцяновским и Н. О. Лернером, было поддержано М. А. Цявловским. Он также считал, что слова «как шут» относятся к А. С. Пушкину, противопоставляющему себя «декабристам, героям и мученикам», но заметил, что выражение «висеть как шут» «было общеупотребительным»: об этом свидетельствует ироикомическая поэма В. И. Майкова „Елисей, или Раздраженный Вах» (1771 г.), где Зевс за неповиновение ему грозит богам («А если кто из них хоть мало укуснит, / Тот будет обращен воронкою в зе-

нит, / А попросту сказать, повешу вверх ногами, / И будет он висеть, как шут, между богами...»)». Свой комментарий М. А. Цявловский дополнил догадкой С. М. Бонди: «Не решаюсь утверждать категорически, но соглашаюсь с высказанным в беседе со мной мнением С. М. Бонди, что выражение это применялось к картонному шуту, висевшему на веревке, в известной детской игрушке» (Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. С. 159, 160). Объяснение М. А. Цявловского поддержали Б. В. Томашевский, считавший, что сопоставление со стихом из поэмы В. И. Майкова раскрывает «таинственный и смущавший исследователей характер этой странной „формулы“ Пушкина» (*Томашевский Б. В. Из пушкинских рукописей // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16–18. С. 317*), и В. В. Набоков: «Вполне, может быть, мне кажется, что Пушкин имел в виду образ „шута на нитке“ (фр. «*gantipe*»), манекена на шнурке. Ассоциация между повешенным человеком и дергающимся клоуном вполне обычна» (*Набоков В. В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. М., 1999. С. 910*). С. Я. Гессен, однако, отметил, что если утверждение об общеупотребительности выражения «висеть как шут» справедливо, то «отпадают» версии С. А. Венгерова и В. Ф. Боцяновского — Н. О. Лернера, «а самая запись приобретает новый, не менее выразительный смысл: употребив общепринятую форму выражения, Пушкин, стало быть, не имел в виду оскорбить ни декабристов, ни себя, а только с предельной ясностью констатировал и подчеркнул реальность избегнутой им опасности разделить участь казненных декабристов». Впрочем, «единственный и притом совершенно неудачный стихотворный пример», по мнению С. Я. Гессена, не доказывает общеупотребительности выражения «висеть как шут». «Странно, — писал С. Я. Гессен, — как комментатор мог проглядеть очевидную разницу между этим действительно шутовским повешением за ноги в поэме В. И. Майкова «и грозившей Пушкину опасностью быть повешенным в обыкновенном порядке — за шею». Еще большие возражения вызвало у С. Я. Гессена приведенное М. А. Цявловским предположение С. М. Бонди: «Мы охотно допускаем возможность применения этого выражения к картонному паяцу, дрыгавшему ногами, когда его дергали за веревочку. Но мы не можем допустить мысли, чтобы Пушкин провел какую-то аналогию между этой игрушкой и повешенными товарищами только потому, что, умирая, они тоже дрыгали ногами. А. М. Эфрос убедительно доказал, что эти строки являются „начатым стихом“. Тем более невероятно, чтобы в стихотворении Пушкин мог употребить такое вульгарное и грубое сравнение, да еще тогда, когда он уже несомненно знал трагические обстоятельства казни декабристов» (*Гессен С. Я. <Рецензия на кн.:> Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. [М.; Л.,] 1935 // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 423–424*). Л. В. Крестова, развивая версию Д. Д. Благого, предположила, что пушкинская запись связана с обрядом политической казни декабри-

стов, которая якобы имела характер «шутовского, буффонского зрелища». Если бы А. С. Пушкин был привлечен к процессу по делу 14 декабря 1825 г., то он, по мнению исследовательницы, оказался бы в числе приговоренных к политической казни: «...наряженный, как и его друзья-декабристы, в полосатый халат не по росту, и он бы „мог как шут“ стать участником „буффонско-маскарадного кортежа“, предметом издевательства и насмешки. Уходя же после чтения приговора и „эзекуции“, Пушкин увидел бы, как увидели некоторые из приговоренных, виселицу с пятью повешенными. Отсюда вслед за записью появилось изображение виселицы и злочастных жертв» (*Крестова Л. В.* Пушкин и декабристы // *Временник Пушкинской комиссии.* 1962. Л., 1963. С. 46, 48). Б. П. Городецкий, вновь вернувшись к приведенной М. А. Цявловским цитате из поэмы В. И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вах», заметил, что эта цитата была использована М. А. Цявловским лишь для доказательства общеупотребительности выражения «висеть как шут», тогда как она «имеет непосредственное отношение» к содержанию пушкинской записи. М. А. Цявловский оборвал цитату из поэмы В. И. Майкова на запятой, не закончив предложения, между тем, по мнению Б. П. Городецкого, «последняя строка» этого предложения («Не сорвется вовек, кто б ни был как удал») и «явилась своеобразным сигналом, по которому Пушкин вспомнил слова о повешенном, который будет висеть, как шут, между богами». Литературная память А. С. Пушкина подсказала ему «стихотворный отрывок о повешенном, в котором говорилось и о возможности сорваться с виселицы», из поэмы В. И. Майкова, которую он «прекрасно знал» и «свободно цитировал». В воспроизведении формулы В. И. Майкова в пушкинской записи — «И я бы мог, как шут...» Б. П. Городецкий видел «свою, и значительную, закономерность: ведь тот, кто мог быть повешен, висел бы между богами» (*Городецкий Б. П.* Пушкин после восстания декабристов: (Загадочная запись Пушкина 1826 г.) // *Проблемы современной филологии.* М., 1965. С. 369–371). Т. Г. Цявловская, вслед за М. Д. Беляевым, не опубликовавшим свои наблюдения, предложила иное чтение словесной записи, полагая, что две последние буквы в ней, читавшиеся как «на», являются частью недописанного слова «висеть»: «И я бы мог, как [шут, ви<еть>]» (*Беляев М. Д.* Изучение рисунков Пушкина и их роль в пушкиноведении: Дис. ... канд. филол. наук / Российская государственная библиотека. М., 1946. Л. 312–338; *Цявловская Т. Г.* Невоплощенный замысел Пушкина // *Литературная газета.* 1972. 15 марта (без ссылки на М. Д. Беляева)). Она также считала, что основой содержания л. 37 явилось зарождавшееся стихотворное произведение, но «стихи не пошли»: «Задумавшись, Пушкин рисует. Рисует дядю своего Василия Львовича Пушкина, добываясь сходства, рисует его портрет за портретом. Большой портрет, в котором видят отца поэта, три портрета декабриста С. П. Трубецкого. <...> Наверху страницы, выше портретов, Пушкин рисует виселицу с пятью повешенными».

ми, рисует вал, ворота. <...> Рисунок этот упирается в строку „И я бы мог, как [шут, ви<сеть>]”. Контуры вала перечеркивают портреты. Ниже еще портреты. <...> Покончив с портретами, поэт набрасывает пляшущие фигурки чертей, человечков. Затем уже рисует виселицу с пятью повешенными» (*Цявловская Т. Г.* Отклики на судьбы декабристов в творчестве Пушкина. С. 202–206). Восстановленный Т. Г. Цявловской «ход пера» отличается от реконструкции А. М. Эфроса иной последовательностью заполнения листа: написав наверху стихотворную строчку и зачеркнув в ней два последних слова, А. С. Пушкин вначале «набрасывает» мужские портреты, потом верхний рисунок виселицы, вновь возвращается к портретам и заканчивает лист вторым, нижним рисунком виселицы. Ссылаясь на строки из поэмы В. И. Майкова и замечание С. М. Бонди о том, что слова «как шут» могли, кроме того, «иметь в виду шута горохового, т. е. чучело в огороде», Т. Г. Цявловская вновь высказала мысль о том, что А. С. Пушкин употребил общеизвестное и лишнее всякой «загадочности» образное сравнение, которое «существовало в языке». Понять преследовавшую А. С. Пушкина мысль, отмечает исследовательница, помогает стихотворение «Андрей Шенье», написанное в мае—июне 1825 г.: «Поэтическое прозрение, интуитивное постижение мыслей и чувств приговоренного к казни французского поэта Андрея Шенье после 13 июля 1826 г. подтвердилось личным опытом Пушкина, когда он вообразил висевшую над ним петлю» (Там же. С. 203, 211–212). Ю. О. Домбровский, соглашаясь с гипотезой М. А. Цявловского — С. М. Бонди — Т. Г. Цявловской о происхождении выражения «как шут», вслед за А. М. Эфросом считал, что этим сравнением не исчерпывается содержание пушкинских слов. По его мнению, из этой «так резко оборванной и наполовину зачеркнутой строки» явствует, что А. С. Пушкин «был действительно посвящен» И. И. Пущиным 11 января 1825 г., во время их последней встречи в Михайловском, в дела тайного общества и «ждал только вызова» (*Домбровский Ю. О.* И я бы мог... Заметки и размышления писателя // *Новый мир.* 1975. № 12. С. 208, 214). По предположению Л. М. Лотман, строка «содержит намек» на аналогию между политическим положением поэта после возвращения из ссылки и образом шута, «вступившего в неожиданно прямой контакт с самодержцем, говорившего с ним о логике поведения его некоторых подданных и намекавшего на милость к ним», из романа В. Скотта «Айвенго», изданного на русском языке в Петербурге в июле 1826 г. под названием «Иванго, или Возвращение из крестовых походов» (*Лотман Л. М.* И я бы мог, как шут... // *Временник Пушкинской комиссии.* 1978. Л., 1981. С. 48, 55).

⁸ *Эфрос А. М.* Автопортреты Пушкина. [М.,] 1945. С. 15–16.

⁹ *Эфрос А. М.* 1) Казнь декабристов в рисунках Пушкина // *Литературная газета.* 1930. 15 июля; 2) Рисунки поэта. С. 358, 360; 3) Декабристы в рисунках Пушкина. С. 945; 4) Автопортреты Пушкина. С. 14.

- ¹⁰ См.: *Иезуитова Р. В.* 1) К истории декабристских замыслов А. С. Пушкина 1826–1827 гг. // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 88–114; 2) Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 836: История заполнения // Там же. Л., 1991. Т. 14. С. 121–147.
- ¹¹ *Эфрос А. М.* Рисунки поэта. С. 358.
- ¹² Там же. С. 18.
- ¹³ Восстание декабристов: Документы. М., 1980. Т. 17. С. 58, 225; Александр Дмитриевич Боровков и его автобиографические записки // Русская старина. 1898. № 11. С. 352. О С. П. Трубецком говорили как о «подлинном главе заговора, проявившем слабость в день мятежа и в страхе перед виселицей вымолившем себе жизнь у императора» (*Ancelet J. A.* Six mois en Russie: Lettres écrites à M. X. B. Saintines, en 1826, à l'époque du couronnement des S. M. l'empereur. 2 éd. Paris, 1827. P. 411). А. Х. Бенкендорф передает, что С. П. Трубецкой «умолял на коленях не лишать его жизни и государь на это соизволил» (РНБ. Ф. 1123. Д. 276. Л. 26, оригинал по-французски; Ф. 859. Карт. 3. Д. 6. Л. 9, копия Н. К. Шильдера со списка М. А. Корфа). Случай С. П. Трубецкого отмечен в дипломатической записке 1826 г., сохранившейся в бумагах П. Лаферронэ (ее автор — либо из австрийского посольства, либо одной из миссий Германского союза): «Отсутствие зрелости в планах, малодушие, обнаруженное заговорщиками, при арестовании их, унижительные ходатайства о помиловании и сохранении им жизни, все это, вместе взятое, доказывает, что революция эта не имела никого сходства с характеристическими чертами происходивших в других государствах революций» (*Вигель-Панчулидзева П. А.* Три заговора в 1825 году // Русский архив. 1908. № 10. С. 254–256).
- ¹⁴ С. П. Трубецкой: Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 1. С. 102.
- ¹⁵ *Кашлякова Е. А.* Судьба архива С. П. Трубецкого // Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981. С. 107.
- ¹⁶ *Герасимова Ю. И.* Восстание 14 декабря 1825 г. и современники: По записным книжкам А. И. Сулакадзева // Исторические записки. М., 1975. Т. 96. С. 87.
- ¹⁷ *Шкапская М. М.* Семинарист о событиях 14 декабря // Былое. 1925. № 5. С. 75–78.
- ¹⁸ *Герасимова Ю. И.* Восстание 14 декабря 1825 г. и современники: По записным книжкам А. И. Сулакадзева. С. 88.
- ¹⁹ *Шукин Н. С.* Александр Бестужев в Якутске // Невелев Г. [А.] Декабристский контекст: Документы и описания. СПб., 2012. С. 441–442.
- ²⁰ Казнь декабристов: Рассказы современников. Н. В. Путьята // Русский архив. 1881. № 2. С. 343 (в дальнейшем — Рассказ Н. В. Путьяты).

- ²¹ ГАРФ. Ф. 109: Секретный архив III Отделения с. е. и. в. канцелярии. Оп. 3. Д. 3174. Л. 73.
- ²² К истории восстания 14 декабря 1825 г.: Из дневника флигель-адъютанта Н. Д. Дурново // Записки Отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1939. Вып. 3: Декабристы. С. 21, оригинал по-французски.
- ²³ *Пржецлавский О. А.* Воспоминания // Русская старина. 1874. № 11. С. 681; Рассказ Н. В. Путяты. С. 343; Казнь декабристов: Рассказы современников. Н. А. Рамазанов. Примечания <к рассказу В. И. Беркопфа> // Русский архив. 1881. № 2. С. 346.
- ²⁴ *Розен А. Е.* Записки декабриста. 2-е изд. СПб., 2008. С. 106.
- ²⁵ См.: С. П. Трубецкой: Материалы о жизни и революционной деятельности. С. 282; *Лорер Н. И.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 111; *Бестужев М. А.* [Рассказы в записи М. И. Семевского] // Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 391; *Завалишин Д. И.* Записки декабриста. СПб., 1906. С. 247; *Цебриков Н. Р.* Воспоминания о Кронверкской куртине // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931. Т. 1. С. 263.
- ²⁶ *Муравьев А. М.* Мой журнал // *Жордания О. К.* Декабрист А. М. Муравьев и его записки «Мой журнал». Тбилиси, 1990. С. 123, оригинал по-французски.
- ²⁷ *Пржецлавский О. А.* Воспоминания. С. 681–682.
- ²⁸ Из дневников <императрицы> Марии Федоровны // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 102.
- ²⁹ Казнь декабристов: Рассказы современников. В. И. Беркопф // Русский архив. 1881. № 2. С. 346 (в дальнейшем — Рассказ В. И. Беркопфа).
- ³⁰ ГАРФ. Ф. 109: Секретный архив III Отделения с. е. и. в. канцелярии. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
- ³¹ *Бучина Л. И.* Записки А. Я. Булгакова (1825–1826 гг.) как источник по истории восстания декабристов // Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. Л., 1979. С. 74.
- ³² Рассказ Н. В. Путяты. С. 344.
- ³³ См.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 6. Л. 1; Рассказ Н. В. Путяты. С. 344.
- ³⁴ *Толстой В. С.* Замечания на полях и в тексте книги А. Е. Розена «Записки декабриста» // Декабристы: Новые материалы. М., 1955. С. 43.
- ³⁵ *Цебриков Н. Р.* Воспоминания о Кронверкской куртине. С. 263. На полях рукописи Н. Р. Цебрикова к этому месту сделана приписка рукой неизвестного: «Я сам в тот день был на Троицком мосту и смею ручаться, что ни одной дамы на нем не было и никто не плакал, да и не смел бы плакать» (Там же. С. 279).

- ³⁶ *Якушкин И. Д.* Мемуары, статьи, документы. Иркутск, 1993. С. 151.
- ³⁷ Цит. по: *Пытин А. Н.* Очерки литературы и общественности при Александре I. Пг., 1917. С. 182.
- ³⁸ *Dumas A.* Mémoires d'un maître d'armes, ou Dix-huit mois à Saint-Pétersbourg. Bruxelles, 1840. Т. 2. Р. 181. Нахождение О. Гризье в Петербурге накануне и в день казни подтверждает П. Е. Анненкова (см.: *Анненкова П. Е.* Воспоминания. 3-е изд. Красноярск, 1977. С. 95).
- ³⁹ Рассказ Н. В. Путьаты. С. 344.
- ⁴⁰ См.: РНБ. Ф. 506. Л. 76 об. (А. Я. Булгаков); Mémoires du marechal Marmont, duc de Raguse de 1792 à 1841. 2 éd. Paris, 1857. Т. 8. Р. 11–12.
- ⁴¹ *Custine A.* La Russie en 1839. 2 éd. Paris, 1843. Т. 3. Р. 46–47. Источник А. Кюстина неизвестен. Круг его возможных информаторов восстанавливается по списочному составу французского посольства на 1826 г. и чрезвычайной миссии О. Мармона (см.: РНБ. Ф. 506. Л. 75 об. — 77 (А. Я. Булгаков); *Ancelot J. A.* Six mois en Russie: Lettres écrites à M. X. B. Saintines, en 1826, à l'époque du couronnement des S. M. l'empereur. Р. 387; Mémoires du marechal Marmont, duc de Raguse de 1792 à 1841. Р. 11–12). Первые лица дипломатического корпуса среди зрителей на эспланаде крепости не находились и очевидцами казни не были.
- ⁴² См.: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 468. Л. 123 (записка Николая I; роспись гвардейских частей, которые должны быть представлены на экзекуции), 124 об. (оборот записки И. И. Дибича к проекту приказа по Гвардейскому корпусу; план дислокации войск на эспланаде Петропавловской крепости), 127 (приказ по Гвардейскому корпусу от 12 июля 1826 г.); *Сырочковский Б. Е.* Николай I и начальник его штаба в дни казни декабристов // Красный архив. 1926. Т. 4. С. 179–180. В агентурных сведениях III Отделения, помеченных 13 июля 1827 г., сообщалось, что живущего в гостинице «Демутов трактир» А. С. Пушкина «обыкновенно» посещает «полковник Безобразов» (см.: *Модзалевский Б. Л.* Пушкин под тайным надзором. 3-е изд. Л., 1925. С. 67–68). Это полковник л.-гв. Московского полка Н. М. Безобразов, находившийся 13 июля 1826 г. на эспланаде крепости в качестве младшего штаб-офицера при 1-м сводном пехотном батальоне. Младшим штаб-офицером при 2-м сводном пехотном батальоне был также знакомый А. С. Пушкину полковник л.-гв. Измайловского полка К. К. Мердер (см.: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 468. Л. 127; *Сырочковский Б. Е.* Николай I и начальник его штаба в дни казни декабристов. С. 180).
- ⁴³ *Анненкова П. Е.* Воспоминания. С. 85.
- ⁴⁴ РГБ. Ф. 231. Раздел 1. Д. 31. Л. 154 об. — 155.
- ⁴⁵ *Герцен А. И.* Собрание сочинений: В 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 61.

- ⁴⁶ См.: *Ancelet [J. A.] Six mois en Russie: Lettres écrites à M. X. B. Saintines, en 1826, à l'époque du couronnement des S. M. l'empereur.* P. 410–411; *Mémoires du marechal Marmont, duc de Raguse de 1792 à 1841.* P. 11–12.
- ⁴⁷ См.: РНБ. Ф. 506. Л. 75 об. — 77 (А. Я. Булгаков).
- ⁴⁸ *Бучина Л. И.* Записки А. Я. Булгакова (1825–1826 гг.) как источник по истории восстания декабристов. С. 73–74.
- ⁴⁹ РНБ. Ф. 859. Карт. 3. Д. 6. Л. 3, копия Н. К. Шильдера.
- ⁵⁰ Там же. Л. 3–4.
- ⁵¹ Там же. Ф. 1123. Д. 276. Л. 38 об., оригинал по-французски.
- ⁵² ОПИ ГИМ. Ф. 457. Д. 6. Л. 12–13; Рассказ Н. В. Путятты. С. 342.
- ⁵³ Казнь декабристов: Рассказы современников. И. Г. Шницлер // Русский архив, 1881. № 2. С. 341; *Schnitzler J. H.* Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas et particulièrement pendant la crise de 1825. Paris, 1847. Т. 2. P. 306. Свидетельство И. Шницлера без указания источника использовано А. Дюма (см.: *Dumas A.* Impressions de voyage en Russie. Paris, 1859. Т. 5. P. 32–36) и Ж. Мишле (см.: *Michelet J.* Légendes démocratiques du Nord. Paris, 1854. P. 228–229).
- ⁵⁴ *Щукин Н. С.* Александр Бестужев в Якутске. С. 442; *Schnitzler J. H.* Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas et particulièrement pendant la crise de 1825. P. 306; *Толстой В. С.* Замечания на полях и в тексте книги А. Е. Розена «Записки декабриста». С. 43.
- ⁵⁵ Различие в форме и размерах ворот кронверка в изображениях л. 37 (в верхнем врата получились непропорционально узкими и выше линии вала, с неправильно воспроизведенной аркой) не означает, как это можно предположить, что показаны разные ворота, восточные (верхняя запись) и западные (нижняя), и что изображения дают картину казни с разных сторон, восточной и западной (см.: *Петров А. [Г.]* Штрихи ложились на бумагу... Рисунок Пушкина прочтен // Пушкинский праздник. Специальный выпуск «Литературной газеты» и «Литературной России». 1969. 30 мая — 6 июня. С. 19), но свидетельствует о различной степени документированности изобразительного текста.
- ⁵⁶ Цит. по: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 2. С. 301.
- ⁵⁷ *Пржецлавский О. А.* Воспоминания. С. 682.
- ⁵⁸ *Якушкин И. Д.* Мемуары, статьи, документы. С. 153.
- ⁵⁹ *Штейнгейль В. И.* Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. 1 С. 172.
- ⁶⁰ К истории 14 декабря 1825 года: Из воспоминаний петербургского старожилы // Исторический вестник. 1904. № 1. С. 83 (в дальнейшем — Рассказ помощника квартального надзирателя).

- ⁶¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1826. 16 июля.
- ⁶² Рассказ В. И. Беркопфа. С. 345.
- ⁶³ *Горбачевский И. И.* Записки. Письма. М., 1963. С. 106; Рассказ В. И. Беркопфа. С. 345.
- ⁶⁴ См.: Казнь 14 июля 1825 года: Со слов присутствовавшего по службе при казни // Полярная звезда на 1861 <г.> Лондон, 1861. Кн. 6. С. 74 (в названии — хронологическая ошибка; в дальнейшем — Рассказ присутствовавшего по службе при казни); К истории восстания 14 декабря 1825 г.: Из дневника флигель-адъютанта Н. Д. Дурново. С. 21; *Atkinson T. W.* Recollections of Tartar Steppes and their inhabitants. London, 1863. P. 24–25 (рассказ М. И. Муравьева-Апостола).
- ⁶⁵ Рассказ В. И. Беркопфа. С. 344–345.
- ⁶⁶ *Цебриков Н. Р.* Воспоминания о Кронверкской куртине. С. 261.
- ⁶⁷ *Бестужев Н. А.* Воспоминание о <К. Ф.> Рылееве // Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 40; *Лунин М. С.* Письма из Сибири. М., 1987. С. 57.
- ⁶⁸ Из дневников <императрицы> Марии Федоровны. С. 102.
- ⁶⁹ *Розен А. Е.* Записки декабриста. С. 103.
- ⁷⁰ Рассказ присутствовавшего по службе при казни. С. 72.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² *Якушкин И. Д.* Мемуары, статьи, документы. С. 151.
- ⁷³ Рассказ помощника квартального надзирателя. С. 85.
- ⁷⁴ Казнь декабристов // Древняя и новая Россия. 1880. № 3. С. 623 (в дальнейшем — Рассказ неизвестного очевидца).
- ⁷⁵ *Щукин Н. С.* Александр Бестужев в Якутске. С. 442.
- ⁷⁶ *Герцен А. И.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 8. С. 61.
- ⁷⁷ Остафьевский архив кн. Вяземских. С. 52 (письмо П. А. Вяземского к В. Ф. Вяземской от 17 июля 1826 г.).
- ⁷⁸ *Кошелев А. И.* Записки (1812–1883 годы). М., 2002. С. 18–19. Подтвердим свидетельство А. И. Кошелева рассказом Е. Ф. Муравьевой в передаче М. П. Погодина: «С. И. Муравьев-Апостол, служивший в гвардии, зашел однажды, во время занятия Парижа нашими войсками, к знаменитой предсказательнице Ленорман. Обратясь к С. И. Муравьеву, она сказала: „Вы будете повешены”. „Верно, вы считаете меня за англичанина, — заметил ей Муравьев, — я — русский, у нас отменена смертная казнь”» (*Погодин М. П.* Простая речь о мудреных вещах. М., 1873. С. 179–180).
- ⁷⁹ *Завалишин Д. И.* Записки декабриста. С. 247.

- ⁸⁰ С. П. Трубецкой: Материалы о жизни и революционной деятельности. С. 278.
- ⁸¹ *Оленина В. А.* Письма к П. И. Бартеневу // *Летописи Государственного литературного музея.* М., 1938. Кн. 3: Декабристы. С. 485–486.
- ⁸² *Якушкин И. Д.* Мемуары, статьи, документы. С. 151–152.
- ⁸³ С. П. Трубецкой: Материалы о жизни и революционной деятельности. С. 279–280.
- ⁸⁴ *Оболенский Е. П.* Воспоминание о Кондратии Федоровиче Рылееве // *Мемуары декабристов: Северное общество.* М., 1981. С. 94.
- ⁸⁵ *Цебриков Н. Р.* Воспоминания о Кронверкской куртине. С. 261.
- ⁸⁶ С. П. Трубецкой: Материалы о жизни и революционной деятельности. С. 282.
- ⁸⁷ ГАРФ. Ф. 109: Секретный архив III Отделения с. е. и. в. канцелярии. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–2.
- ⁸⁸ *Journal de Paris.* 1826. 11 août.
- ⁸⁹ *Custine A.* *La Russie en 1839.* P. 46–47.
- ⁹⁰ *Лунин М. С.* Письма из Сибири. С. 295.
- ⁹¹ Остафьевский архив кн. Вяземских. С. 54–55 (письмо П. А. Вяземского к В. Ф. Вяземской от 20 июля 1826 г.).
- ⁹² См.: *Пржецлавский О. А.* Воспоминания. С. 481; *Басаргин Н. В.* Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 106; *Завалишин Д. И.* Записки декабриста. С. 247; *Муравьев А. М.* Мой журнал. С. 123; С. П. Трубецкой: Материалы о жизни и революционной деятельности. С. 282; *Трубецкой С. П.* Записки. Письма <к> И. Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб., 2011. С. 79; *Цебриков Н. Р.* Воспоминания о Кронверкской куртине. С. 272; *Rokosz pułku Czernihowskiego (1825): Wyjątek ze wspomnień Józefa Kazimiera Ignacego Rulikowskiego // Nasza Przyszłość: Czasopismo naukowo-literackie, społeczne i polityczne.* 1908. Lipiec. S. 381–382.
- ⁹³ *Эфрос А. М.* 1) Рисунки поэта. С. 360; 2) Декабристы в рисунках Пушкина. С. 945.
- ⁹⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 18. Д. 97. Л. 5–5 об., оригинал по-французски. Неосведомленность жителей столицы об официальных реляциях по делу 14 декабря отмечалась баварским посланником Ф. Гизе: «К 6-ти часам все следы экзекуции были ликвидированы, и народ, узнавший об этом, но еще не ознакомившийся с самим текстом приговора, собрался небольшой кучкой у места казни, весьма удивляясь тому, что там не осталось никаких следов» (Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы российского Министерства иностранных дел. С. 793, оригинал по-французски), и в донесении агента III Отделения в связи с назначенным

- на следующий день после казни благодарственным молебном на Сенатской площади: «Должно только сожалеть, что не принято было мер к распространению еще накануне высочайшего Манифеста от 13 июля и что не все жители столицы знали о сем торжестве и о поводе к оному» (ГАРФ. Ф. 109; Секретный архив III Отделения с. е. и. в. канцелярии. Оп. 1. Д. 6. Л. 2).
- ⁹⁵ *Schnitzler J. H.* Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas et particulièrement pendant la crise de 1825. P. 306.
- ⁹⁶ *Бестужев М. А.* [Казнь К. Ф. Рылеева] // Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 337.
- ⁹⁷ *Лорер Н. И.* Записки декабриста. С. 111; *Якушкин И. Д.* Мемуары, статьи, документы. С. 153.
- ⁹⁸ Рассказ присутствовавшего по службе при казни. С. 74–75.
- ⁹⁹ Из дневников <императрицы> Марии Федоровны. С. 102.
- ¹⁰⁰ Рассказ помощника квартального надзирателя мог быть записан не ранее 1861 г.: вопросы, задаваемые рассказчику Н. А. Благовещенским, обнаруживают знакомство со свидетельством неизвестного, присутствовавшего по службе при казни, опубликованным в «Полярной звезде на 1861 <г.>» (Лондон, 1861. Кн. 6. С. 72–75) и перепечатанным Н. В. Гербелем в Собрании сочинений К. Ф. Рылеева (Лейпциг, 1861. С. 85–86).
- ¹⁰¹ *Schnitzler J. H.* Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas et particulièrement pendant la crise de 1825. P. 307.
- ¹⁰² Рассказ самовидца о казни, совершенной в Петербурге 1826 года 13 июля // Красная нива. 1925. № 53. С. 1258.
- ¹⁰³ К истории восстания 14 декабря 1825 г.: Из дневника флигель-адъютанта Н. Д. Дурново. С. 21.
- ¹⁰⁴ *Щукин Н. С.* Александр Бестужев в Якутске. С. 442.
- ¹⁰⁵ Рассказ присутствовавшего по службе при казни. С. 74; Рассказ помощника квартального надзирателя. С. 85.
- ¹⁰⁶ Донесение П. В. Голенищева-Кутузова от 13 июля 1826 г. // Восстание декабристов: Документы. М., 1980. Т. 17. С. 252.
- ¹⁰⁷ Рассказ присутствовавшего по службе при казни. С. 74.
- ¹⁰⁸ В приказе по Гвардейскому корпусу от 12 июля 1826 г. С. П. Шипов среди начальствующих лиц не значится (см.: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 468. Л. 127); его участие в экзекуции, регламентом не предусмотренное, восстанавливается по воспоминаниям С. П. Трубецкого (см.: С. П. Трубецкой: Материалы о жизни и революционной деятельности. С. 281).
- ¹⁰⁹ Междоусобица в России с 19 ноября по 14 декабря 1825 года: Исторические материалы // Русская старина. 1882. № 7. С. 176; *Сыроечковский Б. Е.*

- Николай I и начальник его штаба в дни казни декабристов. С. 176. В письме к великому князю Михаилу Павловичу от 12 июля 1826 г. Николай I сообщает о назначенном времени политической казни, начинавшей экзекуцию: «Завтра утром в три часа приговор должен быть исполнен» (Междоусобица 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 212).
- ¹¹⁰ Рассказ помощника квартального надзирателя. С. 81; Рассказ присутствовавшего по службе при казни. С. 74; Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы российского Министерства иностранных дел. С. 793.
- ¹¹¹ Полное собрание законов Российской империи. М., 1830. Т. 5: (1713–1719). 1715 г. № 3.006.; см.: *Линовский В. А.* Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849. С. 247.
- ¹¹² *Сыроечковский Б. Е.* Николай I и начальник его штаба в дни казни декабристов. С. 177.
- ¹¹³ Рассказ помощника квартального надзирателя. С. 85.
- ¹¹⁴ *Лорер Н. И.* Записки декабриста. С. 111.
- ¹¹⁵ *Бучина Л. И.* Записки А. Я. Булгакова (1825–1826) как источник по истории восстания декабристов. С. 73.
- ¹¹⁶ См.: Из дневников <императрицы> Марии Федоровны. С. 102. В версии дневниковой записи изустного донесения А. И. Чернышева (17 июля 1826 г.): «...кажется, Бестужев».
- ¹¹⁷ *Бестужев М. А.* [Казнь К. Ф. Рыльева]. С. 337.
- ¹¹⁸ Там же. С. 337–338.
- ¹¹⁹ У П. В. Голенищева-Кутузова было четыре «молодых адъютанта»: Н. Д. Додомацкий, Н. А. Муханов, А. И. Неплюев, А. П. Башуцкий. Н. А. Муханов вечером 12 июля был дома и «ничего положительного о предстоящем событии» не знал (Рассказ Н. В. Путяты. С. 343). Во время исполнения приговора при П. В. Голенищеве-Кутузове находился А. П. Башуцкий (см.: Рассказ присутствовавшего по службе при казни. С. 74).
- ¹²⁰ См.: *Волконская М. Н.* Записки. 2-е изд. СПб., 1906. С. 14–15.
- ¹²¹ Рассказ присутствовавшего по службе при казни. С. 74–75.
- ¹²² Рассказ помощника квартального надзирателя. С. 85. По «решительному заверению» В. И. Беркопфа, эти слова, приписываемые П. И. Пестелю («...не умеют изготовить и порядочных веревок»), «не были произнесены» (Рассказ В. И. Беркопфа. С. 344). «Заверение» В. И. Беркопфа, в передаче Н. А. Рамазанова, вызвано показаниями французского дипломата, получившими известность благодаря А. Кюстину (см.: *Custine A.* La Russie

- en 1839. P. 47; ср.: *Lacroix F. Les mystères de la Russie. Paris, 1845. P. 101*).
Текстуальной контаминацией (Ж. Ансело, А. Кюстин) является описание, даваемое М. Фурнье: «Рылеев, поднявшись, сказал одному из своих товарищей: „Брат мой, чего же ждать от правительства, чьи варварство и невежество доходят до того, что они и повесить-то как следуют не умеют!” — „И я не ожидал, — отвечал ему тот, — что меня будут вешать дважды”» (*Fourmier M. Les mystères de la Russie. Bruxelles; Leipzig. 1844. P. 44–45*).
- ¹²³ Рассказ неизвестного очевидца. С. 624.
- ¹²⁴ Из дневников <императрицы> Марии Федоровны. С. 102.
- ¹²⁵ [Рассказ Агапа Ивановича, рассыльного в редакции альманаха «Полярная звезда»] // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 2. С. 57.
- ¹²⁶ *Горбачевский И. И.* Записки. Письма. С. 167.
- ¹²⁷ *Якушкин И. Д.* Мемуары, статьи, документы. С. 153.
- ¹²⁸ Рассказ помощника квартального надзирателя. С. 80, 85.
- ¹²⁹ *Бестужев Н. А.* Воспоминание о <К. Ф.> Рылееве. С. 40.
- ¹³⁰ *Розен А. Е.* Записки декабриста. С. 109.
- ¹³¹ Рассказ присутствовавшего по службе при казни. С. 74.
- ¹³² *Розен А. Е.* Записки декабриста. С. 109.
- ¹³³ Александр Дмитриевич Боровков и его автобиографические записки. С. 338; *Розен А. Е.* Записки декабриста. С. 110; *Якушкин И. Д.* Мемуары, статьи, документы. С. 152.
- ¹³⁴ *Цебриков Н. Р.* Воспоминания о Кронверкской куртине. С. 260.
- ¹³⁵ *Розен А. Е.* Записки декабриста. С. 110.
- ¹³⁶ Там же.
- ¹³⁷ Там же.
- ¹³⁸ *Якушкин И. Д.* Мемуары, статьи, документы. С. 152.
- ¹³⁹ *Бучина Л. И.* Записки А. Я. Булгакова (1825–1826) как источник по истории восстания декабристов. С. 73–74.
- ¹⁴⁰ Междоусобие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 33.
- ¹⁴¹ *Розен А. Е.* Записки декабриста. С. 111; *Горбачевский И. И.* Записки. Письма. С. 166.
- ¹⁴² *Якушкин И. Д.* Мемуары, статьи, документы. С. 152; *Лорер Н. И.* Записки декабриста. С. 111.
- ¹⁴³ Рассказ неизвестного очевидца. С. 624; *Лукин М. С.* Письма из Сибири. С. 295.

- ¹⁴⁴ *Розен А. Е.* Записки декабриста. С. 107.
- ¹⁴⁵ Там же; *Мысловский П. Н.* Из записной книжки протоиерея // Русский архив. 1905. № 9. С. 133.
- ¹⁴⁶ *Мысловский П. Н.* Из записной книжки протоиерея. С. 133. Эпизод иначе передан Н. И. Гречем (со слов Т. Н. Рейнбота): «Пестель покорился и исполнил обряд» (*Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М., 1990. С. 258–259).
- ¹⁴⁷ *Мысловский П. Н.* Из записной книжки протоиерея. С. 133. Имеющиеся свидетельства, что Пестель «был после болезни» (*Цебриков Н. Р.* Воспоминания о Кронверкской куртине. С. 259) и что он «был слабее и истомленнее прочих», «едва переступал по земле» и его «должны были приподнять в воротах: так он был изнурен» (Рассказ В. И. Беркопфа. С. 345), не подтверждающиеся, должны быть отнесены к С. И. Муравьеву-Апостолу.
- ¹⁴⁸ Рассказ неизвестного очевидца. С. 624.
- ¹⁴⁹ Александр Дмитриевич Боровков и его автобиографические записки. С. 339; *Цебриков Н. Р.* Воспоминания о Кронверкской куртине. С. 270; Рассказ присутствовавшего по службе при казни. С. 74.
- ¹⁵⁰ Рассказ помощника квартального надзирателя. С. 82.
- ¹⁵¹ См.: *Якушкин И. Д.* Мемуары, статьи, документы. С. 153.
- ¹⁵² Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 209. По словам А. И. Чернышева в передаче императрицы Марии Федоровны, «молились Богу за государя» С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин и П. Г. Каховский (Из дневников <императрицы> Марии Федоровны. С. 102).
- ¹⁵³ Николай I, не придерживаясь формулы, принятой в документах суда, и называя осужденных к смерти в произвольной последовательности: «Пестель, Рылеев, Каховский, Сергей Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин» (Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 207; письмо к императрице Марии Федоровне от 10 июля 1826 г.); «Рылеев, Каховский, Сергей Муравьев, Пестель и Бестужев-Рюмин» (Там же. С. 212; письмо к великому князю Михаилу Павловичу от 12 июля 1826 г.), немало способствовал путанице. Так, императрица Александра Федоровна записала в дневнике вечером 12 июля: «Я молюсь за спасение душ тех, кто будет повешен. 1) Пестель, 2) Сергей Муравьев, 3) Бестужев-Рюмин, 4) Рылеев, 5) Каховский» (Там же. С. 93). Великий князь Николай Михайлович, основываясь на семейном предании, писал: «По тем данным, которые мы имеем, Рылеев с петли не срывался и умер сразу» (*Николай Михайлович, вел<икий> кн<язь>*). Казнь пяти декабристов 13 июля 1826 года и император Николай I // Исторический вестник. 1916. № 7. С. 109).
- ¹⁵⁴ *Завалишин Д. И.* Записки декабриста. С. 247.

- ¹⁵⁵ Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Иркутск, 1992. Т. 2. С. 310; Шукин Н. С. Александр Бестужев в Якутске. С. 442; ОПИ ГИМ. Ф. 18. Д. 97. Л. 6–6 об. (письмо А. П. Волконской к В. А. Репниной-Волконской от 13 июля 1826 г., оригинал по-французски); *Лецельтерн* З. И. Екатерина Трубецкая // Звезда. 1975. № 12. С. 185.
- ¹⁵⁶ Розен А. Е. Записки декабриста. С. 111.
- ¹⁵⁷ Бестужев Н. А. Воспоминание о <К. Ф.> Рылееве. С. 26–27.
- ¹⁵⁸ Пушкин [А. С.] Полное собрание сочинений [; В 17 т.] Т. 13. С. 184.
- ¹⁵⁹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. С. 37–38. М. П. Погодин подтвердил свое свидетельство: «О намерении написать Лжедмитрия я слышал. Он говорил и об одной сцене, в которую хотел ввести палача, который шутит с толпой» (*Цявловский* М. А. Замечания М. П. Погодина на «Материалы для биографии Пушкина» П. В. Анненкова // Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 354).
- ¹⁶⁰ Пушкин [А. С.] Полное собрание сочинений [; В 17 т.] М.; Л., 1948. Т. 5. С. 47.
- ¹⁶¹ Студенкин Г. И. Запечные мастера // Русская старина. 1873. № 8. С. 202–203.
- ¹⁶² Рассказ помощника квартального надзирателя. С. 81, 84.
- ¹⁶³ Рассказ присутствовавшего по службе при казни. С. 74.
- ¹⁶⁴ В. Ф. Раевский: Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 2. С. 363.
- ¹⁶⁵ См.: Из дневников <императрицы> Марии Федоровны. С. 102; Шукин Н. С. Александр Бестужев в Якутске. С. 442; *Schnitzler* J. H. Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas et particulièrement pendant la crise de 1825. P. 307; Бестужев Н. А. Воспоминание о <К. Ф.> Рылееве. С. 40; Якушкин И. Д. Мемуары, статьи, документы. С. 153.
- ¹⁶⁶ Rokosz pułku Czernihowskiego (1825): Wyjątek ze wspomnień Józefa Kazimiera Ignacego Rulikowskiego. S. 382.
- ¹⁶⁷ Рассказ присутствовавшего по службе при казни. С. 84–85.
- ¹⁶⁸ Гангелов А. С. Воспоминания декабриста. М., 1888. С. 100.
- ¹⁶⁹ Рассказ помощника квартального надзирателя. С. 84–85.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 85.
- ¹⁷¹ ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 5, 7, 99.
- ¹⁷² Рассказ В. И. Беркопфа. С. 345; Донесение П. В. Голенищева-Кутузова от 13 июля 1826 г. С. 252.
- ¹⁷³ См.: ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 1. Л. 105–109.
- ¹⁷⁴ Ср.: *Цебриков* Н. Р. Воспоминания о Кронверкской куртине. С. 257 («Тогда был в крепости плац-майором полковник Егор Михайлович Подушкин,

которого вся наружность чрезвычайно походила на того палача, раз мною виденного утром, когда я стоял в карауле на Сенной площади, проехавшего мимо на ропусках на Конную площадь со своею жертвою и одним будочником. Подушкин, всегда поддержанный порядочно дозой водки, имел всегда красное лицо, всегда звериное»).

- ¹⁷⁵ См.: ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 1. Л. 13, 18–19.
- ¹⁷⁶ Рассказ В. И. Беркопфа. С. 344–345.
- ¹⁷⁷ Рассказ присутствовавшего по службе при казни. С. 74.
- ¹⁷⁸ Рассказ помощника квартального надзирателя. С. 82.
- ¹⁷⁹ *Якушкин И. Д.* Мемуары, статьи, документы. С. 152.
- ¹⁸⁰ *Цебриков Н. Р.* Воспоминания о Кронверкской куртине. С. 260.
- ¹⁸¹ *Оболенский Е. П.* Воспоминание о Кондратии Федоровиче Рылееве. С. 95.
- ¹⁸² *Щукин Н. С.* Александр Бестужев в Якутске С. 442.
- ¹⁸³ *Schnitzler J. H.* Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas et particulièrement pendant la crise de 1825. P. 306.
- ¹⁸⁴ С. П. Трубецкой: Материалы о жизни и революционной деятельности. С. 281.
- ¹⁸⁵ Рассказ помощника квартального надзирателя. С. 83–84.
- ¹⁸⁶ Рассказ присутствовавшего по службе при казни. С. 73.
- ¹⁸⁷ Рассказ самовидца о казни, совершенной в Петербурге 1826 года 13 июля. С. 1258; *Басаргин Н. В.* Воспоминания, рассказы, статьи. С. 106; *Горбачевский И. И.* Записки. Письма. С. 167.
- ¹⁸⁸ В. Ф. Раевский: Материалы о жизни и революционной деятельности. С. 363.
- ¹⁸⁹ Там же.
- ¹⁹⁰ *Мысловский П. Н.* Из записной книжки протоиерея. С. 132–133; Рассказ помощника квартального надзирателя. С. 82.
- ¹⁹¹ *Мысловский П. Н.* Из записной книжки протоиерея. С. 133.
- ¹⁹² *Бестужев М. А.* [Рассказы в записи М. И. Семевского]. С. 136.
- ¹⁹³ С. П. Трубецкой: Материалы о жизни и революционной деятельности. С. 281.
- ¹⁹⁴ *Горбачевский И. И.* Записки. Письма. С. 166.
- ¹⁹⁵ *Штейнгейль В. И.* Сочинения и письма. Т. 1. С. 172.
- ¹⁹⁶ Из дневников <императрицы> Марии Федоровны. С. 102.
- ¹⁹⁷ *Розен А. Е.* Записки декабриста. С. 106.
- ¹⁹⁸ Там же; *Пржецлавский О. А.* Воспоминания. С. 682.
- ¹⁹⁹ *Мысловский П. Н.* Из записной книжки протоиерея. С. 133.

- ²⁰⁰ Из дневников <императрицы> Марии Федоровны. С. 102.
- ²⁰¹ Рассказ присутствовавшего по службе при казни. С. 72; Рассказ неизвестного очевидца. С. 624; *Schnitzler J. H. Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas et particulièrement pendant la crise de 1825.* P. 308.
- ²⁰² *Journal de Paris.* 1826. 11 août.
- ²⁰³ Рассказ присутствовавшего по службе при казни. С. 73.
- ²⁰⁴ Рассказ В. И. Беркопфа. С. 345.
- ²⁰⁵ Рассказ присутствовавшего по службе при казни. С. 73.
- ²⁰⁶ *Оболенский Е. П.* Воспоминание о Кондратии Федоровиче Рылееве. С. 95.
- ²⁰⁷ См.: *Розен А. Е.* Записки декабриста. С. 105.
- ²⁰⁸ В. Ф. Раевский: Материалы о жизни и революционной деятельности. С. 363.
- ²⁰⁹ *Розен А. Е.* Записки декабриста. С. 111.
- ²¹⁰ Междущарствие в России с 19 ноября по 14 декабря 1825 года: Исторические материалы. С. 214.
- ²¹¹ Рассказ помощника квартального надзирателя. С. 82.
- ²¹² Там же.
- ²¹³ *Цебриков Н. Р.* Воспоминания о Кронверкской куртине. С. 261. По словам мемуариста, «лейб-гвардии Павловского полка капитан Степанов со взводом, построенным в каре, вел их на виселицу». Сообщение ошибочно: капитан М. В. Степанов числился в списках полка с марта 1827 г. Взводом командовал капитан В. П. Польман.
- ²¹⁴ В. Ф. Раевский: Материалы о жизни и революционной деятельности. С. 363. Свидетелем казни был также М. А. Назимов, находившийся после объявления приговора в камере № 13 Кронверкской куртины.
- ²¹⁵ Там же.
- ²¹⁶ Рассказ помощника квартального надзирателя. С. 83.
- ²¹⁷ Там же. С. 83–84.
- ²¹⁸ *Розен А. Е.* Записки декабриста. С. 107. Е. П. Оболенский утверждал, что «видел пятерых избранников, медленно приближающихся к роковому месту» (*Оболенский Е. П.* Воспоминание о Кондратии Федоровиче Рылееве. С. 95–96).
- ²¹⁹ См.: Полное собрание законов Российской империи. М., 1830. Т. 13: (1749–1753). 1753 г. № 10.086; *Литовский В. А.* Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. С. 248.
- ²²⁰ Записка Николая I о воинском регламенте казни государственных преступников существовала в двух списках: черновой автограф, идентично воспроизведенный в наброске И. И. Дибича к проекту приказа по Гвардейскому

корпусу от 12 июля 1826 г. (см.: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 468. Л. 124; *Сыроечковский Б. Е.* Николай I и начальник его штаба в дни казни декабристов. С. 179), и белой, сохранившийся в бумагах П. В. Голенищева-Кутузова, в архиве его внука А. А. Голенищева-Кутузова. Н. К. Шильдер, свидетельствовавший, что оригинал был «с многочисленными пометками» (*Шеголев П. Е.* Николай I и декабристы: Очерки. Пг., 1919. С. 33), видел черновой автограф записки Николая I (экземпляр И. И. Дибича). Копия В. В. Стасова, посланная Л. Н. Толстому, была снята с перебеленного списка П. В. Голенищева-Кутузова (см.: Лев Толстой и В. В. Стасов: Переписка. 1878–1906. Л., 1929. С. 31–32 (письмо Л. Н. Толстого к В. В. Стасову от 6 апреля 1878 г.; на полях письма, извещавшего о присылке документа, помета рукой В. В. Стасова: «Собственноручная записка императора Николая I о повешении декабристов (моя копия)»), 32–33 (письмо В. В. Стасова к Л. Н. Толстому от 12 апреля 1878 г.)). Л. Н. Толстой переписал документ, а полученную копию (В. В. Стасов «просил о строжайшем секрете») уничтожил (см.: Толстовский музей. Т. 2: Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870–1894. СПб., 1914. С. 179). По свидетельству Д. Д. Оболенского, Л. Н. Толстой «был поражен собственноручной запиской Николая Павловича, в которой весь церемониал казни декабристов был предначертан им самим во всех подробностях. Мне Толстой читал снятую им копию; там встречается такая фраза: когда их выведут, то барабанам пробить мелкую дробь и т. д. „Это какое-то утонченное убийство“, — возмущался Л. Н. Толстой этой запиской» (*Оболенский Д. Д.* По поводу казней декабристов // *Наша старина*. 1917. Вып. 2. С. 35–36, курсив Д. Д. Оболенского). Документ, представляющий собой вариант штабной разработки, на основе действующих актов, штатного воинского регламента экзекуции для отдания соответствующего приказа по Гвардейскому корпусу, был, как кажется, неадекватно воспринят писателем как гипертекст, раскрывающий личность и нравственный облик его автора: «Для меня это ключ, отперший не столько историческую, сколько психологическую дверь. Это ответ на главный вопрос, мучивший меня» (Лев Толстой и В. В. Стасов: Переписка. 1878–1906. С. 35 (письмо Л. Н. Толстого к В. В. Стасову от 9 июня 1878 г.; на конверте письма рукой В. В. Стасова написано: «О двух автографах Николая I: письма к графу Голенищеву-Кутузову»)). Кроме копии записки Николая I о регламенте казни В. В. Стасов посылал Л. Н. Толстому копию еще одного автографа Николая I, о котором сообщал: «Он, конечно, менее важен, чем предыдущий, но все-таки очень важен и интересен. Вот вы сами увидите. Как и прежний, этот документ писан к графу Голенищеву-Кутузову, бывшему дядьке Николая I, а в это время военному генерал-губернатору Петербурга» (Там же. С. 37; письмо В. В. Стасова к Л. Н. Толстому от 15 июня 1878 г., курсив В. В. Стасова). О каком документе идет речь, неизвестно. Копия автографа Николая I, посланная В. В. Стасовым 15 июня 1878 г., в архиве Л. Н. Толстого отсутствует.

- ²²¹ См.: *Невелев Г. [А.] Декабристский контекст: Документы и описания.* СПб., 2012. С. 257. Осенью 1856 г. М. А. Корфу было высочайше поручено «собрать все факты и документы, могущие служить источником для составления полной истории жизни и царствования императора Николая I». М. А. Корфом и его сотрудниками (В. В. Стасов, А. Ф. Бычков, К. Ф. Феттерлейн, С. М. Загоскин) было составлено 92 тома материалов. Впоследствии труды были переданы Русскому историческому обществу и публиковались в его сборниках. Том «I. Письма великого князя Николая Павловича к П. В. Голенищеву-Кутузову; II. Высочайшие повеления императора Николая I тому же лицу» остался неопубликованным. В самый конец его, между последними листами тома, вложена копия не включенного в состав книги белого автографа Николая I о воинском регламенте казни, снятая В. В. Стасовым в 1878 г. с экземпляра, принадлежавшего А. А. Голенищеву-Кутузову.
- ²²² ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 468. Л. 127; *Сыроечковский Б. Е.* Николай I и начальник его штаба в дни казни декабристов. С. 179.
- ²²³ *Толстой В. С.* Замечания на полях и в тексте книги А. Е. Розена «Записки декабриста». С. 41–42.
- ²²⁴ *Цебриков Н. Р.* Воспоминания о Кронверкской куртине. С. 262–263.
- ²²⁵ Количество осужденных, подвергшихся политической казни, устанавливается по докладу коменданта Петропавловской крепости А. Я. Сукина от 13 июля 1826 г.: «...препровождены на смертную казнь в кронверк 5 и для учинения должного пред войсками наказания на эспланаде 97 <...>» (РГВИА. Ф. 36. Оп. 4/847. Д. 266. Л. 71–71 об.).
- ²²⁶ Рассказ помощника квартального надзирателя. С. 84; Рассказ самовидца о казни, совершенной в Петербурге 1826 года 13 июля. С. 1258.
- ²²⁷ Рассказ В. И. Беркопфа. С. 345; *Якушкин И. Д.* Мемуары, статьи, документы. С. 152.
- ²²⁸ Рассказ помощника квартального надзирателя. С. 84–85.
- ²²⁹ Рассказ В. И. Беркопфа. С. 345.
- ²³⁰ Рассказ помощника квартального надзирателя. С. 84.
- ²³¹ Из дневников <императрицы> Марии Федоровны. С. 102.
- ²³² Рассказ помощника квартального надзирателя. С. 82.
- ²³³ В. Ф. Раевский: Материалы о жизни и революционной деятельности. С. 363.
- ²³⁴ Рассказ самовидца о казни, совершенной в Петербурге 1826 года 13 июля. С. 1258.
- ²³⁵ Рассказ В. И. Беркопфа. С. 345.
- ²³⁶ Рассказ самовидца о казни, совершенной в Петербурге 1826 года 13 июля. С. 1258.

- ²³⁷ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 6. Л. 482–484; *Цейтлин А. Г.* Имущественные дела Рыльева во время его пребывания в Петропавловской крепости // Литературное наследство. М., 1954. Т. 59. Кн. 1. С. 329–330.
- ²³⁸ Рассказ присутствовавшего по службе при казни. С. 74; Рассказ помощника квартального надзирателя. С. 84; В. Ф. Раевский: Материалы о жизни и революционной деятельности. С. 363; Rokosz pułku Czernihowskiego (1825): Wyjątek ze wspomnień Józefa Kazimiera Ignacego Rulikowskiego. S. 381; Рассказ самовидца о казни, совершенной в Петербурге 1826 года 13 июля. С. 1258; Рассказ неизвестного очевидца. С. 624; РНБ. Ф. 601. Д. 1288. Л. 56–56 об. (В. А. Половцов); *Лорер Н. И.* Записки декабриста. С. 110–111, курсив Н. И. Лорера.
- ²³⁹ См.: *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве. С. 47; [*Лернер Н. О.*] Рисунки Пушкина // Речь. 1912. 29 января / 11 февраля. По мнению А. М. Эфроса, рисунки отражают фактическое содержание «Полтавы», прикрытое исторической и романтической фабулой, представляющее собой переключенное уподобление декабрьского происшествия 1825 г. (см.: *Эфрос А. М.* Рисунки поэта. С. 372). По мнению М. Д. Беляева и Т. Г. Цявловской, использовавших наблюдение Ф. Л. Эрнста, рисунки иллюстрируют стихотворный текст и воспроизводят события, описываемые в поэме (см.: *Беляев М. Д.* Изучение рисунков Пушкина и их роль в пушкиноведении. Л. 91; *Цявловская Т. Г.* Рисунки Пушкина. 3-е изд. М., 1983. С. 81–82).
- ²⁴⁰ Rokosz pułku Czernihowskiego (1825): Wyjątek ze wspomnień Józefa Kazimiera Ignacego Rulikowskiego. S. 381; *Schnitzler J. H.* Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas et particulièrement pendant la crise de 1825. P. 306.
- ²⁴¹ Рассказ присутствовавшего по службе при казни. С. 74; Рассказ В. И. Беркопфа. С. 345; Рассказ самовидца о казни, совершенной в Петербурге 1826 года 13 июля. С. 1258.
- ²⁴² РНБ. Ф. 1123. Д. 276. Л. 38 об. (А. Х. Бенкендорф, оригинал по-французски); *Schnitzler J. H.* Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas et particulièrement pendant la crise de 1825. P. 307.
- ²⁴³ Рассказ присутствовавшего по службе при казни. С. 74.
- ²⁴⁴ Рассказ помощника квартального надзирателя. С. 85. О. А. Пржецлавский, стоявший по другую сторону вала, свидетельствует, как ему кажется, о П. Г. Каховском, но в действительности о П. И. Пестеле: «Казненные висели уже неподвижно. Между ними труп Каховского отличался необыкновенною длиною» (*Пржецлавский О. А.* Воспоминания. С. 682).
- ²⁴⁵ Рассказ помощника квартального надзирателя. С. 84.
- ²⁴⁶ Там же. С. 82.

- ²⁴⁷ Рассказ самовидца о казни, совершенной в Петербурге 1826 года 13 июля. С. 1258.
- ²⁴⁸ *Горбачевский И. И.* Записки. Письма. С. 167; *Бестужев М. А.* [Казнь К. Ф. Рылеева]. С. 337.
- ²⁴⁹ *Бестужев Н. А.* Воспоминание о <К. Ф.> Рылееве. С. 40.
- ²⁵⁰ *Якушкин И. Д.* Мемуары, статьи, документы. С. 151–152; РНБ. Ф. 601. Д. 1288. Л. 56–56 об. (В. А. Половцов).
- ²⁵¹ *Пушкин [А. С.]* Полное собрание сочинений [: В 17 т.] М.; Л., 1938. Т. 9. Кн. 1. С. 497.
- ²⁵² Там же. С. 77, курсив А. С. Пушкина.

ПОРТРЕТНЫЕ ЗАПИСИ

- ¹ См.: *Жуйкова Р. Г.* Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996. С. 200. № 418.
- ² *Эфрос А. М.* Рисунки поэта. 2-е изд. [М.; Л.,] 1933. С. 182–184.
- ³ См.: *Эфрос А. М.* Пушкин-портретист: Два этюда. [М.,] 1946. С. 118–122; *Жуйкова Р. Г.* Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. С. 219. № 471.
- ⁴ См.: *Беляев М. Д.* Изучение рисунков Пушкина и их роль в пушкиноведении: Дис. ... канд. филол. наук / Российская государственная библиотека. М., 1976. Л. 317. № 1; *Жуйкова Р. Г.* Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. С. 86. № 138.
- ⁵ См.: *Эфрос А. М.* Пушкин-портретист: Два этюда. С. 106–109; *Жуйкова Р. Г.* Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. С. 185. № 386.
- ⁶ Попытка признать портретный очерк П. П. Каверина пушкинским автографом (см.: *Щербачев Ю. Н.* Приятели Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин. М., 1913. С. 154) не кажется убедительной.
- ⁷ См.: *Эфрос А. М.* Пушкин-портретист: Два этюда. С. 108–109; *Жуйкова Р. Г.* Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. С. 83. № 127.
- ⁸ См.: *Эфрос А. М.* Пушкин-портретист: Два этюда. С. 109; *Жуйкова Р. Г.* Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. С. 83. № 128 (2).
- ⁹ См.: *Жуйкова Р. Г.* Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. С. 385. № 868.
- ¹⁰ См.: Там же. С. 123. № 246.
- ¹¹ Там же. С. 135. № 280; С. 334. № 791; С. 334–335. № 792.